

ГУАКЪ,

ИЛИ

НЕПРЕОБОРИМАЯ ВѢРНОСТЬ,

РЫЦАРСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Изданїе второе.

МОСКВА.

Печатано съ Указнаго дозволенїя, въ Типографїи А. Рѣшетникова 1793 года.

ГУАКЪ,

ИЛИ

НЕПРЕОБОРИМАЯ ВѢРНОСТЬ,

РЫЦАРСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Въ слѣдующій день, лишь только мракъ ночи предъ восходомъ дневнаго свѣтила изчезъ, вся парадная зала уже наполнилась всѣми Амазонскаго Короля совѣтниками, куда и Флоридскій Князь предсталъ съ двенадцатью своими богатыря-

ми, не замѣдлилъ прибыть туда и Король кроткой, съ дражайшею своею дочерью прекрасною Велеумою, которая одѣта была по кавалерски, и прекрасное ея лицо закрыто было золотымъ шишакомъ, когдажъ сѣли они на тронахъ, то Флоридскїй Князь представши предъ Амазонскихъ владѣтелей началъ говорить:

„Великїе Государи! день сей „есть день для меня радости и „печали; радости, когда боги „будутъ мнѣ помощники низложить жестокихъ враговъ, печали же когда сїи чудовищи „лишатъ меня и моихъ друзей „дражайшей жизни. Но сїе обое „полагается въ неизвѣстности, „я имѣю тотъ ревностный духъ, „что жить ли умереть ли, но „за добродѣтельнѣйшаго Государя,

,, ря, мудрую его дочь и за все
,, отечество есть похвально, иду
,, я днесь на смертной поединокъ,
,, и счастiемъ моимъ, паче же
,, великой Принцессы, можетъ
,, быть истребится тиранъ всей
,, Амазонiи.,,

О ревностный герой, сказалъ тогда обрадованный Бельгамъ, да будутъ боги тебѣ помощники на жестокаго врага, клянусь тебѣ праведными небесами, что подвиги твои вознаградятся славно, ступайте благополучно, ступайте на похвальное ваше, для Амазонiи же полезное дѣло.

По сихъ словахъ отдаетъ Бельгамъ великому своему Визирю приказъ, чтобъ устроилъ нужныя пранадлежности къ походу, желая самъ быть свидѣтелемъ геройскихъ его дѣлъ, а Гуакъ поклонившись Амазонскимъ

владѣтелямъ изъ собранія вышелъ. И лишъ только возвратился въ назначенные ему покои, какъ принесено было Королевскимъ казначеемъ воинское оружіе, какъ-то латы, шлемы, мечи, копья и прочій драгоцѣнный рыцарскій уборъ, и онъ началъ убираться. Во первыхъ; возложилъ на перси свои панцырь древняго Язона, стальнымъ шишакомъ закрылъ свое лице, такъ же щитомъ дѣда своего Зилагона, а копьемъ старнаго Вирстона вооружилъ себя безопасно, а на двенатцати его богатыряхъ блистали Дербинскіе стальные щиты какъ зеркало, и сіялъ уборъ отъ злата и драгоцѣнныхъ каменьевъ.

Между тѣмъ когда Амазоніи владѣтель съ геройственною своею дочерью и со всѣмъ дворомъ,

а

а храбрый Гуакъ съ друзьями, приготовлялись ѣхать въ походъ противъ лютѣйшихъ непрїятелей; Амазонская столица наполнилась радостными произношенїями и усердными мольбами къ небесамъ о благополучной побѣдѣ, а улица та, по которой должно было шествовать Гуаку установлена была Амазонскаго Короля гвардїею, коя простиралась до самыхъ воротъ крѣпости замка, Флоридскїй Князь со всѣми своими богатырями вышелъ на крыльцо. Тутъ стояли во всей готовности шесть весьма украшенныхъ и бодрыхъ коней, какїе едвали въ какомъ государствѣ быть могутъ. Лишъ только на оныхъ сѣли, какъ окружила ихъ дворцовая свита, и они продолжали ѣхать въ назначенный походъ: во время сей ѣзды одинъ Королевскїй

чиновникъ ѣдучи напередъ, кричалъ народу слѣдующїе слова:

„О жители Амазонской столицы! просите днесь усердно „боговъ, чтобъ умилосердились „они и даровали крѣпость силъ „тѣлесныхъ сему чужестранному „рыцарю, побѣдить исполина дикихъ странъ.„

Тогда народъ, коимъ заняты были всѣ кровли и улицы, въ отвѣтъ сему кричали: „Да „подадутъ всесильные боги рыцарю сему, которой хочетъ „проливать за нашего Государя „и за весь народъ кровь свою, „мужество Геркулесово и Александрову смѣлость, побѣдить исполина дикихъ странъ, съ звѣроподобными его стрѣльцами„

Съ таковымъ и симъ подобнымъ народнымъ произношенїемъ про-

продолжалъ Флоридскїй Князь шествїе свое до самыхъ воротъ крѣпости. Солнце уже тогда восходомъ своимъ показало наступающїй день, и казалось, что и оно съ веселившимися Амазонской столицы жителями игрило. Отворяются тогда прекраснаго Амазонскаго града вороты, и Гуакъ выѣхавъ на тотъ лугъ, гдѣ обитало чудовище свѣта, со своими стрѣльцами. Пространное то мѣсто разцвѣло тогда не цвѣтами уже, коими украшался прекрасный Амазонскїй лугъ, но гвардїею и тѣлохранителями Короля Бельгама, геройственной его дочери наипрекраснѣйшими цвѣтами по кавалерски одѣтыми, и всѣми знатнѣйшими министрами владѣльцовъ тѣхъ окружающими, при томъ городскїя башни и самыя стѣны наполнены были

зрителями сего славнаго позорища, какого во Флоридѣ ни когда не бывало, Амазонія же ниже слухомъ когда наполнялась.

Въ то самое время, геройственнаго Князя сердце почувствовало нѣкоторую радость, да и безмѣрнымъ наполнилося страхомъ, да и подлинно: когда воображалъ онъ въ умѣ своемъ, то ужасающее Амазонію предсказаніе, какое слышалъ Гуакъ отъ дворцоваго надзирателя, о гигантѣ, коего трепеталъ цѣлой свѣтъ. Въ толь важномъ предпріятіи, кое могло поколебать и самаго великодушнаго героя, за нужное почелъ потребовать совѣта отъ друга своего Жеонга, которой обѣщался ему помогать чрезъ скоровѣстную стрѣлу. Намѣреніе его было узнать, будетъ

ли

ли побѣдителемъ надъ лютыми соперниками, помышляя сїе, спущаетъ сей Талисманъ съ своего лука, мгновенно стрѣла изъ вида его скрывается, но по прошествїи не многихъ минутъ, обратно упадши съ воздуха, принесла вѣдомость написанными на ней золотыми словами слѣдующимъ образомъ:

„Желанїя твои побѣдой наградятся,
„И лютые враги тобою потребятся.„

Сїе ободрѣнїе прибавило Флоридскому Князю отважности, а богатырямъ его геройства, и прежде нежели пустился онъ на непрїятелей, вознамѣриля обЪявить о себѣ Амазонскимъ владѣтелямъ, кои желая быть сраженїю его свидѣтелями, стояли на нѣкоемъ высокомъ холму. Гуакъ сходитъ съ коня и подступая

къ Королю Бельгаму и его дочери продолжалъ слѣдующее говорить:

„Великіе государи! что ежели „важное сіе предпріятіе стра„шитъ меня сомнѣніемъ, то „ваше присутствіе тѣмъ паче „ободряетъ, что вижу великихъ „особъ; кои приняли на себя „трудъ быть нашему сраженію „свидѣтелями, и прежде нежели „оружіе непріятелей лишитъ „насъ жизни, знайте, что хо„четъ жертвовать жизнію тотъ „Князь, коего родитель царст„вуетъ во Флоридѣ. Я сего го„сударя единородный сынъ Гуакъ, сіи же моей жизну тѣло„хранители суть Флоридскаго „Князя двенадцать богатырей.... Такъ это ты, великій Князь, сказалъ кроткій Король: ты! коего безподобная храбрость но-

сит-

сится по всей Америкѣ: такъ поистиннѣ ваше величество, продолжалъ Флоридскій Князь; сіе-то мое геройство во Флоридѣ надъ рыцаремъ Созоментомъ оказанное, и понудило оставя отечество ѣхать во Амазонію, искать того рыцаря, которой прострѣлилъ мое сердце стрѣлою любви, для сего рыцаря и самую дражайшую мою жизнь принести на жертву никакъ не отрекуся; но прошу васъ всемилостивѣйшіе Государи отпустить меня на сраженіе, съ нетерпѣливостію, я желаю видѣть лютаго моего соперника, и ополчиться съ нимъ до изліянія моей крови, или какъ я уже сказалъ до потерянія и самой моей жизни.

Въ то самое время, какъ довольно могъ примѣтить Флоридскій

скій Князь Король Бельгамъ и Принцесса его дочь сделилися въ некоторомъ замешательстве своихъ мыслей, но онъ не ожидая ихъ ответу, поцеловавши у каждаго руку, садится на коня, беретъ отъ оруженосца своего въ руки Вирстоново копье, и лишъ только Амазонскаго двора министры, закричали ему счастливую победу, ударяетъ онъ своего коня, всесильные флоридскіе богатыри обнаживъ булатные мечи, на подобіе скоропреходящаго страшнаго вихря пустились съ визгомъ къ тому месту, где страшной исполинъ имелъ свое жилище.

Разположеніе чудовища сего съ дикими его стрельцами было на месте, сколько своею красотою прелестномъ, столь и удивленія достойномъ. Среди Амазонскаго

скаго лугу, стояло весьма толстое кедровое дерево, оно было не весьма высоко; но весьма кудревато, такъ что подъ вѣтвїями онаго стояли двенадцать полотняныхъ шатровъ, и одинъ съ отмѣннымъ знакомъ, въ коихъ имѣлъ пребыванїе Гигантъ дикихъ странъ съ лютыми стрѣльцами.

Храбрый Флоридскїй князь не могъ еще хорошенько разсмотрѣть сего толь прекраснаго мѣстоположенїя; какъ увидѣлъ лютаго соперника своего летящаго съ побѣдоносным для всякаго смертнаго оружїемъ, да и гуакъ нѣсколько ужаснулся увидѣвши страшнаго сего чудовища, однако направя свое копье съ бодростїю приготовлялся составить съ нимъ поединокъ смерти, или желаемаго счастїя.

Не

Не возможно сравнить ни мало, то страшное сраженїе поединкамъ смертныхъ, какое учинилъ съ Флоридскимъ Княземъ исполинъ дикихъ странъ. Ибо когда поразилъ его Гуакъ побѣдоносным Вирстоновымъ копьемъ, а онъ его ужаснымъ своимъ мечемъ, то отъ сихъ ударовъ произошелъ стукъ страшнѣйшїй самаго грому, и отъ оружїй ихъ писыпались искры, какъ самая сверкающая молнїя, защищающему же Гуака стальному его щиту не могъ его вредить сей соперникъ нималѣйшею язвою, потому что мечь его разшибся на мѣлкїя штуки, сїе сокрушенїе должно приписать Зилатонову щиту, коимъ князь отразилъ соперника своего ударъ: но и копье его не могло ранить соперника его ни мало, въ разсуж-

сужденіи крѣпкой его коры. Однако; какъ гуакъ отъ сильнаго соперникова удара не могши усидѣть на своемъ конѣ, съ онаго ниспадаетъ: такъ и гигантъ не устоялъ противъ Вирстонова оружія на землю падаетъ. Тогда устремляются Флоридскіе богатыри на дикихъ стрѣльцовъ, и составляютъ сраженіе, едваль когда смертными виданное. Сокрушаются сильныхъ Флоридцовъ копьи и притупляются булатные мечи, потому что непроницаемая на стрѣльцахъ кора крѣпчае была самаго булата, а сихъ лютыхъ соперниковъ свищутъ по воздуху тьмочисленныя стрѣлы и ударяемы будучи объ крѣпкіе Дербинскіе щиты, воспящаемы обратно бываютъ на самыхъ стрѣльцовъ, нимало Флоридцовъ вредить не возмогши.

Чудовище свѣта паки ополчается съ геройственнымъ Гаукомъ новымъ оружїемъ, спущаетъ онъ съ своего лука три великїя стальныя стрѣлы; но сей герой щитомъ Зилагоновымъ оныя отразивъ, самъ собравшись съ силами поражаетъ его паки могущественнымъ копьемъ, и удвоя сильнѣйшїй ударъ древняго Вирстона оружїемъ; принуждаетъ трепетать сего соперника, которой признался, что копье Флоридскаго Князя есть для него оружїе смерти, стрѣлы же его ничуть для Гуака неязвительны, закричалъ ужаснымъ голосомъ, требуя нѣкоторой помощи слѣдующими словами:

„О обладательница землею и „моремъ, подкрѣпи нынѣ могу„щесствомъ своимъ ослабѣвающїя „мои силы, и не попусти юношѣ

„се-

„ сему торжествовать надъ рабомъ твоимъ. „

Вдругъ тогда поколебалось мѣсто прекраснаго луга, освѣщены были всѣхъ зрителей глаза великою молнїею съ ударомъ страшнаго грома, поднявшїйся ужасной вихрь произвелъ тьму мрачной ночи, и закрылъ вовсе сїянїе солнечныхъ лучей, слышанъ былъ великой шумъ, и земля своимъ трясенїемъ грозила имъ опасною гибелью, при всемъ же томъ страшное, паче же удивителвнѣйшее представилось взору ихъ зрѣлище: сверху воздуха явившаяся на колѣсницѣ двумя огнедышущими крылатыми драконами запряженной, прелестной красоты женщина, или злонравная волшебница Зевеса, она изрекла къ Флоридскому Князю такїе слова:

„О ты! несчастный смерт-
„ный! примешь нынѣ казнь за
„дерзость свою, ежели немощны
„слуги моего противъ тебя стрѣ-
„лы, то поядающїй пламень об-
„ратитъ тебя въ пепелъ и у-
„голь. „

Лишъ только волшебница сїе выговорила, какъ гигантъ пособїемъ ея прїемлетъ на себя наистрашнѣйшаго дракона видъ, которой и началъ изрыгать великое изъ себя пламя, и устремившись началъ жещи Гуака онымъ несказанно. Сей храбрый Князь полагая надежду на защищающей его отъ пламени панцырь, сражался съ симъ новой видъ прїемлющимъ соперникомъ весьма мужественно, но плащь спасающїй его отъ потопленїя сотлѣлъ на его плечахъ и сдѣлался какъ черный уголь, да и пан-

панцырь началъ помалу разгораться, въ толь опасномъ случаѣ, прибѣгаетъ паки къ скоровѣстной стрѣлѣ, и повыстрѣлѣ его мгновенно на крылатомъ конѣ предсталъ къ нему волшебникъ Жеонго, имѣя въ рукѣ огненной мечь: „ не устрашайся „ похвальный рыцарь сихъ слабыхъ угрозъ, вѣщалъ его благодѣтель, панцырь древняго „ Язона силенъ утушить пламень, „ и копье, страшнао Вирстона „ умертвитъ тирана.,, По сихъ словахъ опрыскиваетъ Жеонго разженной отъ пламени на Гуакѣ панцырь, нѣкоторою состовленною мокротою, самъ устремляется съ огненнымъ своимъ оружїемъ на волшебницу Зевесу, и сразившись оба вдругъ изчезли. Флоридскїй Князь обрадуясь сей помощи, съ большимъ нежели

прежде началъ сражаться мужествомъ съ тѣмъ соперникомъ, то есть съ превращеннымъ Зевесою въ дракона гигантомъ; и по недолгой его бѣтвѣ окончилъ счастливую свою надъ нимъ побѣду, совершилась же оная ударомъ побѣдоноснаго копья въ раствореной Драконовъ зѣвъ. Важное сїе оружїе не только поразило смертною язвою сего тирана, но и чародѣйство Зевесы могло уничтожить. Видъ Дракона измѣнился въ то самое подобїе, какое имѣлъ прежде лютой сей соперникъ. Вонзенное Гуакомъ въ гортань его копье принудило гиганта упасть на землю, и тогда не трудно было храброму сему Князю чудовища сего обезглавить.

Начало сраженїя Гуакова съ симъ страшнымъ чудовищемъ было

ло открыто Амазонским владѣтелям и всей многонародной публикѣ, но окончанїе онаго мрачная тьма от всѣх сокрыла, коль же скоро Флоридскїй Князь отрубил страшнаго гиганта голову, то вдруг тьма изчезла, блеснул с высоты солнца луч, и при оной свѣтлости представилось Гуаку жалостнѣйшее зрѣлище, и не только ему, но и всей публикѣ; увидѣл он нѣкоторых своих богатырей с коней на землю поверженных и весьма слабо защищающихся, а стрельцов страшо свирѣпѣющих и одолѣвающих, но в туж самую минуту упадшая с воздуха скоровѣстная стрѣла ободрила его сими словами:

„ Геройским подвигом ты страх одолѣвай,
„ Вирстоновым копьем врагов сих истребляй. „

Какая ревность возжгла духъ геройскій въ Американскомъ Князѣ; ниже самъ писатель изъяснить того неможетъ, вонзенное въ гортань исполина Вирстоново копье, сей Князь исторгнувши садится на коня, и совокупя всѣ свои силы воедино мужество, притомъ же будучи обнадеженъ о побѣдѣ спущаетъ брань съ лютшыми стрѣльцами; и поражалъ оныхъ отъ запальчивости своего сердца столь удачно, что въ самое короткое время принудилъ ихъ трепетать стертнаго сего оружія, и которые тѣмъ паче пришли въ робость, что увидѣли обезглавленной трупъ ихъ предводителя, но побѣгъ враговъ сихъ былъ для нихъ безполезенъ: безподобнаго геройства Князь предавалъ ихъ смерти несколько своими силами, какъ тѣмъ оружіемъ, кое

кое довольно было и надъ волшебникомъ одержать побѣду.

Умертвивши гуакъ всѣхъ стрѣльцовъ до единаго, возвратился опять на мѣсто побоища, гдѣ лѣжалъ трупъ убитаго чудовища, приказалъ оруженосцу своему страшную его отрубленную голову, воткнуть на копье и вѣсть передъ собою къ ожидающимъ побѣды Амазонскимъ владѣтелямъ.

Нельзя точно описать тѣхъ радостныхъ движенїй сердца, какїе возчувствовали Амазонскїй владѣтель и мудрая его дочь, сей по самой природѣ кроткой государь, забывъ пышность земныхъ Монарховъ, оставляетъ престолъ и самъ бѣжитъ на встрѣчу лобызать его и привѣтствовать. Но сей Князь предъ ускоря сего толь добродушнаго государя, достой-

нымъ своимъ поклоненіемъ поздравилъ его съ побѣдою.

Сей обрадованный Государь пріемлетъ тогда его въ свои объятія и говоритъ ему: „О любезнѣйшій Князь! хранитель мо„ей короны, блюститель обща„го благоденствія, и отъ боговъ „низпосланный царству моему „защитникъ, теперь то я вижу „моими глазами то ваше геройство кое прежде однимъ только „созарцалъ слухомъ, воспріими „днесь то себѣ награжденіе, ка„кое вы прежде въ мысляхъ сво„ихъ воображали.

По семъ окружила сего побѣдителя великолѣпная дворцовая свита, и онъ продолжалъ шествіе свое къ столицѣ, тогда въ прославленіе чуднаго геройства его, одинъ королевской чиновникъ кричалъ вслухъ всѣмъ торжеству-

вующимъ зрителямъ великїе о геройствѣ его похвалы, а народъ весь на сїе отвѣтствовалъ единогласно слѣдующими словами:

„Увѣнчай державнѣйшїй нашъ „государь, увѣнчай лаврами по„бѣдъ Героя сего главу, достоинъ „онъ сего, достоинъ быть су„пругъ прекрасной Велеумѣ и „царскаго вѣнца.„

Лишъ только въѣхалъ Флоридской князь въ первыя ворота крѣпости, то та улица по которой должно ему было шествовать устлана была разноцвѣтными коврами. сорокъ наипрекраснѣйшихъ дѣвицъ Принцессиной свиты великолѣпнѣйшимъ образомъ одѣтыхъ, встрѣтивъ сего побѣдителя весьма низко поклонились. Каждая изъ нихъ держала въ своей рукѣ корзину со

цвѣ-

цвѣтами, бросали оные предъ путешествующимъ Американскимъ Княземъ, опрыскивали благовонными водами его дорогу, и предшествуя предъ нимъ пѣли въ честь ему слѣдующїя стихи:

„ Возвеселитеся сихъ жители бреговъ,
„ Младый и юный Князь посланный отъ боговъ
„ Чудовище низвергъ, что столько насъ страшило;
„ Опустошало градъ и воиновъ губило.
Возпойте въ честь ему, о жители сихъ странъ,
„ Его-то днесь рукой поверженъ мертвъ тиранъ,
„ Онъ возвратилъ покой сему престольну граду,
„ Доставилъ и Царю и дочери отраду. „

Всѣ сїи обстоятельства торжественнаго Гуакова въ Амазонїю въѣзда, столь были великолѣпны, что едвалъ когда какой по-

побѣдитель равномѣрно былъ почтенъ. По прибытіи во дворецъ начали торжествовать побѣду, и лишъ только получилъ Гуакъ драгоцѣнныя себѣ отъ кроткаго Короля подарки, вдругъ двери одной дворцовой комнаты разтворились, предстала окруженная прекраснѣйшими дѣвицами предъ собраніе Принцесса Велеума, она одѣта была въ наидрагоцѣннѣйшее платьѣ, на главѣ имѣла корону, и сколько восхищала взоръ зрителей убранствомъ, столько чудною своею красотою, которая возблистала тогда, какъ прекрасное солнце. Сія коронованная дѣвица отложа стыдъ приличествующій сему полу, подходитъ къ своему родителю и такъ ему вѣщаетъ:

Владѣтель пространныя Амазоніи и дражайшій мой роди-

тель

тель; сей, указавъ на гуака, защитникъ государства, стражъ вашего здравїя и оберегатель короны, за излїянную свою кровь, долженъ получить отъ васъ награжденїе, но награжденїе совершеннѣйшее, сверхъ того, что достоинъ онъ быть вашимъ зятемъ и моимъ супругомъ, долженъ онъ носить и вѣнецъ на главѣ своей.

Когдажъ былъ Флоридскїй князь нареченъ королевскимъ зятемъ и наслѣдникомъ короны; тогда поздравилъ его весь совѣтъ Амазонскаго министерства, и онъ за таковыя оказанныя ему высокїя милости, наичувствительнѣйшимъ образомъ приносилъ Амазонїи владѣтелямъ свою благодарность.

Тогда восторжествовалъ Амазонскїй Король со всѣми своими

ми подданными толь совершенными веселостями, коихъ объяснить не возможно, и какія едвали когда въ Америкѣ бывали. Сверхъ многихъ пиршествъ и различнаго рода забавъ оказанныхъ въ Амазонской столицѣ для Флоридскаго Князя въ полности, но и невинное человѣческое кровопролитіе въ величайшемъ степени произведено было, и веселости во дворцѣ того Князя продолжались около трехъ мѣсяцовъ.

По окончаніи сихъ великихъ торжествъ вскорѣ наступилъ счастливый день, для влюбленныхъ двухъ сердецъ, то есть: день брака Флоридскаго Князя съ Амазонскою Принцессою Велеумою. И во первыхъ улица ведущая къ Юпитерову храму убрана и украшена была новыми торжествъ

зна-

знаками, огласился тогда воздухъ огромною музыкою и рукоплесканїемъ радующагося народа, которой бѣжалъ толпами за колѣсницами, въ коихъ ѣхали ко храму радующїяся особы, всѣми Амазонскими Министрами окружаемыя. Когдажъ предстали они предъ жертвенникъ, посвященный Юпитеру, то главный жрецъ возложилъ на главы ихъ брачные вѣнцы, началъ изрекать на нихъ боговъ благоволенїе, чтобъ укрѣпили сочетавшихся союзомъ вѣрности, и соверша таинство брака, благословилъ новобрачныхъ. Тогда начали приноситься богамъ на жертву тучныя овцы, и великой волъ съ вызолочеными рогами готовился въ честь Юпитеру. И лишь только жертвенный ножъ рукою жреца коснулся животнаго сего, какъ быкъ ужасно воз-

возревѣлъ, глаза его наполнились крови и сверкали на подобїе яркихъ звѣздъ, изъ рта его возкипѣла бѣлая пѣна, началъ бить ногами въ землю, и рогами колебать жертвенникъ. Но сїе паче находящихся въ Юпитеровомъ храмѣ привело въ трепетъ и ужасъ, когда свирѣпое сїе животное человѣческимъ голосомъ провозгласило такїе слова:

„ Подъ тѣнью роскошей владѣльцы воздремали,
„ Попрали честь боговъ и гласу ихъ не вняли;
„ За что раздражены противу всѣхъ они,
„ Мгновенно превратятъ веселье въ мрачны дни.

Чудесное сїе приключенїе устрашило Короля Бельгама и всѣхъ тутъ находящихся Министровъ; всѣ съ первосвященни-

комъ и со всѣми жрецами начали умилостивлять боговъ слезными прозьбами, но сїе было тщетно къ пущему ихъ ужасу истуканъ Юпитеровъ изрекъ имъ слѣдующїй отвѣтъ:

,, Отрите токи слезъ, и не стените нынѣ,
,, Съ покорною душей предайтеся судбинѣ.
,, За то послѣдовалъ противъ васъ гнѣвъ боговъ,
,, Что за побѣды вы не принесли даровъ,
,, И жертвой тучной ихъ храмовъ не почтили,
,, Мужайтесь сколько льзя, сколь могутъ ваши силы.

По таковомъ изреченїи вдругъ засвисталъ со всѣхъ сторонъ вихрь, нашедшая мрачная тьма произвела срашной громъ, начали колебаться стѣны зданїя, мгновенно сорвало покровъ храма,

ма въ сїе отверстїе опустился съ высоты не малой величины клубъ, которой съ ужаснымъ трескомъ разсыпавшись въ огненныя искры, представилъ пламеннаго исполина, которой на подобїе грому слѣдующїе выражалъ слова:

„Когда смертные заслужили „отъ боговъ гнѣвъ, то нѣтъ „уже на свѣтѣ такой власти, „котораябъ возпрепятствовала „мнѣ въ моемъ предпрїятїи.„

Какое страшное зрѣлище представилось очамъ новобрачныхъ, перо писателя того не можетъ начертать. Хотя флоридскими богатырями тысяча стрѣлъ было пущено въ сего страшнаго огненнаго воина, не только сїи стрѣлы, но ниже копье Вирстоново, коимъ поразилъ его гуакъ, могло что подѣйствовать; толь-

ко къ пущему всѣхъ ужасу, по семъ жестокомъ пораженiи гигантъ перемѣнившись, представилъ видъ страшнѣйшаго чудовища, которое ужаснымъ своимъ ревомъ поколебало и самое основанiе храма, Флоридскагожъ князя копье уткнулось ему между крыльевъ, и онъ подхватилъ Принцессу Велеуму и посадя на спину поднялся къ верьху; вылетѣвши же изъ храма, изчезъ какъ молнiя.

Въ какомъ трепетѣ и горестномъ отчаянiи находился тогда Гуакъ, будучи лишенъ супруги и защищающаго жизнь его оружiя, никто изъяснить не можетъ, развѣ только тотъ, кто чувствовалъ подобное сему на себѣ бѣдствiе.

„О немилосердый рокъ! вскри„чалъ тогда Флоридскiй Князь,

„ за

„за что ты такъ меня караешъ. По сихъ словахъ упалъ онъ въ обморокъ.

Когдажъ лежащаго въ обмороке Флоридскаго князя тѣлохранители принесли въ его покои, и положили на его постелю; тогда онъ помощїю ихъ мало пришелъ въ чувство, открывши свои глаза, и невидя оными дражайшаго своего предмета, началъ паки стенать болѣзненно. Друзья его всѣми мѣрами старались его утѣшить; но не могли ни какъ, а только своими вспомоществованїями наводили большую ему горесть. Очувствовавшись же совершеннно сей печальный Князь, пошелъ въ чертоги Королевскїе, гдѣ печальный его тесть обливалъ лице свое горькими слезами; онъ стараясь его утѣшить самъ паче отъ горестнаго

наго воображенія, съ каковымъ растался предметомъ, приходитъ въ безпамятство, и такъ день тотъ, да и самая ночь препровождены были въ стенаніяхъ, вопляхъ и безмѣрномъ сердечномъ сокрушеніи.

На другой день, лишъ только свѣтило дня показало лучи на горизонтѣ, сокрушающійся безмѣрною тоскою о лишеніи своея супруги и о потерѣ побѣдоноснаго копья Флоридскій Князь отъ сна пробуждается, и съ наступившимъ днемъ наступаютъ паки горестные рыданія. По изліяніи нѣсколькихъ слезныхъ источниковъ, ободрившись нѣсколько сей Князь вознамѣрился лучше прибѣгнуть къ совѣтамъ друга своего Жеонга, нежели предаваться въ несносныя горести. И такъ отворяетъ онъ въ спальнѣ

своей

своей окошко, спущаетъ съ лука скоровѣстную стрѣлу, въ надѣждѣ получить утѣшительный себѣ отвѣтъ, или какую нибудь новую горесть. Но какая неописанная радость озарила сердце печальнаго сего Князя, когда вмѣсто ожидаемаго отъ Жеонга отвѣта, самъ сей добродушный волшебникъ въ скоромъ времени предъ нимъ явился.

Великїя ваши оказанныя нѣкогда мнѣ услуги, вѣщалъ сѣдинами украшенный волшебникъ, всегда сильны меня привлечь къ вашему вниманїю... Ахъ великїй мой другъ! вскричалъ Гуакъ, увидѣвши своего благодѣтеля, утѣшъ меня въ несносной печали погружающагося, я лишился супруги, того дражайшаго предмета, которой всю мою увеселялъ жизнь, и для коей преда-

вался я на всѣ роды опасности, при томъ же потерялъ мое оружїе жизнь мою охраняющее, то есть: то копье, коимъ дарствовалъ меня мой родитель; о! любезнѣйшїй мой другъ Жеонго, продолжалъ Флоридскїй Князь! теперь то я требую отъ тебя помощи, ежели невозможно противиться власти боговъ, то есть возвратить мнѣ Велеуму, то по крайнѣй мѣрѣ можешъ ты меня увѣдомить, гдѣ теперь обрѣтается сїя Принцесса, и что съ нею приключилось, живали она, и есть ли надѣжда видѣться съ нею? все сїе ты мнѣ сдѣлать можешъ, я на тебя надѣюсь.

Кто великодушенъ, тому нѣтъ несчастїя, отвѣчалъ Жеонго, на что вамъ роптать на Провидѣнїе, все въ мїрѣ промысломъ у-

управляется, и благоразумный человѣкъ никогда не долженъ приходить до пагубнаго отчаянія, положась на Провидѣніе, и отдавшись въ волю судьбинѣ, можетъ быть сжалясь боги на толикія ваши терпѣнія, прервутъ несчастія, кои вы терпѣть начали, въ прочемъ положитесь на меня, я сколько могу, столько и буду подвизаться, чтобъ доставить вамъ желаемое счастіе.

Обрадованный сею неложною надѣждою Гуакъ, повергается къ ногамъ друга своего Жеонга, чувствительнѣйшимъ образомъ благодаритъ ему за толь великое его къ нему усердіе, и по совѣту великаго сего друга, тогожъ самаго дня сей горячо любящій супругу свою Князь пріемлетъ походъ, который предложенъ ему

былъ отъ волшебника на взыскание похищенной его супруги.

Тогда прощается Гуакъ съ шестемъ своимъ, Королемъ Бельгамомъ, и со всѣми его Министрами, съ двенадцатью своими богатырями отправляется въ путь волшебникомъ назначенный.

На третїй день ихъ путешествїя, прїѣхали они къ морю, гдѣ стоялъ въ близкомъ отъ берега разстоянїи, оснащенной и весьма украшенный корабль, и при немъ шеснатцать человѣкъ проворныхъ гребцовъ; подъѣхавъ они къ берегу на шлюбкѣ, по приказанїю сего волшебника перевезли Флоридскаго сего Князя со всею его свитою. Той же минуты Жеонго приказалъ поднять парусы и корабль полетѣлъ какъ птица; чрезъ двенатцать

дней

дней достигаютъ они острова, къ коему приставши увѣдомилъ волшебникъ Гуака, что тотъ островъ принадлежитъ ему съ давняго времени; но долгое время владѣла онымъ волшебница Зевеса, гдѣ Жеонго обѣщался не только уменьшить печаль несчастнаго Князя, но и приложить стараніе о томъ, чтобъ узнать въ какомъ мѣстѣ обрѣтается дражайшая его супруга.

Лишъ только вступили на тотъ островъ, какъ встречены были прекрасными юношами, кои весьма низко волшебнику поклонившисъ, сопровождали до самаго великолѣпнаго замка. Въ воротахъ встрѣчала новая стража, и сдѣлавши Жеонгу глубокое почтеніе, провожала до самаго крыльца, вошедши же во внутрен-

ренность покоевъ, по всюду увидѣлъ Гуакъ пышное великолѣпїе. Тогда два въ золотомъ платье евнуха съ великимъ благоговѣнїемъ взявъ престарѣлаго Жеонга подъ руки, ввели въ ту большую залу, гдѣ стоялъ золотый крупными изумрудами украшенный тронъ.

Какъ скоро Жеонго возшелъ на тронъ, а Флоридкому Князю съ его богатырями назначены были также приличныя мѣста, то возгремѣла музыка на разныхъ инструментахъ, которая продолжалась и во время стола, гдѣ Флоридскїй Князь употчиванъ былъ со всѣми друзьями какъ хорошимъ кушаньемъ, такъ и разными напитками, и даже до самаго вечера музыка не умолкала, и которая столько Гуака усладила, что онъ сдѣлавшись

въ

въ забвенiи, позабылъ всю прежнюю свою печаль. Въ вечеру такъ же поставленъ былъ богатой ужинъ, послѣ коего Жеонго не отягощая нимало разговорами, приказалъ проводить Гуака и каждаго изъ его друзей до покойнаго ложа, и тогда Флоридскiй Князь успокоилъ себя прiятнымъ сномъ.

Когда уже солнце восходомъ своимъ показало наступившiй день, Флоридскiй Князь представленъ былъ предъ Жеонга, который началъ тогда говорить. „Вотъ Флоридскiй витязь, теперь по нощномъ упокоенiи „время намъ приняться за нѣкоторые подвиги, до собственной твоей пользы касающiеся; „и какъ намѣренiе твое состоитъ въ томъ, чтобъ узнать

„гдѣ

„ гдѣ теперь находится по-
„ хищенная ваша супруга, и
„ копье древняго Вирстона, и
„ узнавши предпринять всѣ мѣ-
„ ры ее изъ власти темныя из-
„ хитить; въ семъ то состоитъ
„ все твое удовольствїе, да и
„ должно чтобъ я тебѣ услужилъ
„ за ту оказанную мнѣ вами
„ услугу; когда ты самъ изба-
„ вилъ меня отъ горестнаго за-
„ ключенїя.

По сихъ словахъ встаетъ Жеонго и взявши Флоридскаго Князя за руку, въ препровожденїи всѣхъ его двенатцати богатырей, продолжали итти чрезъ нѣкоторыя покои, потомъ вышли на пространный дворъ, наконецъ достигнули прекраснаго сада, гдѣ были густыя дерева прекраснаго и благовоннаго рода,

и которыя отягчены будучи плодами, приклонили къ землѣ свои вѣтви. Тамъ земля покрыта была зеленью и весьма нѣжною травою, нѣкоторые не большія долины украшались прекрасными и благовонными цвѣтами, на которыхъ ходили различнаго рода птицы. Наконецъ пришли къ одной горѣ, на которую съ немалою трудностію по уступамъ мраморнымъ всходили; на сей горѣ воздвигнутъ былъ изъ самаго бѣлаго мрамора храмъ. Лишъ только волшебникъ приближился къ Ясмовымъ дверямъ, оныя сами собою розтворились; взошедши, во внутренность храма, увидѣлъ Гуакъ золотый престолъ, стоящій посреди храма; на престолѣ семъ стояла статуя, въ непрестанномъ движеніи находящаяся, которая имѣла на всѣхъ

членахъ глаза. Жеонго указывая на сїю толь ужасную фигуру, говорилъ Флоридскому Князю: чрезъ сїю статую узнаю я все то, что могу въ мысляхъ моихъ представить, и вотъ средство знать о Велеумѣ и о похищенномъ копье. Посемъ началъ изрекать Жеонго нѣкоторые слова отнюдъ Гуаку неизвѣстные, и по окончанїи оныхъ, гора начала колебаться, храмъ разрушился, зрительная статуя закрыла тмочисленные свои глаза; отъ чего Жеонго пришелъ въ чрезвычайной ужасъ, и стоялъ неподвиженъ; вдругъ опустился съ высоты великой клубъ, каторой разсыпавшись искрами, представилъ страшнаго исполина съ разженнымъ какъ красной уголь въ рукахъ копьемъ. О Жеонго! вѣщалъ сей страшный воинъ,

по-

подобно страшному грому, ты ли желаешъ знать, гдѣ находится Принцесса Велеума? Знай, что сїе отъ смертнаго племени сокрыто, боги опредѣлили ее во власть сильной волшебницы Зевесы, и никакїя, чинимыя тобою хитрости, не могутъ того произвесть, чтобъ супругъ ею наслаждался; на пять лѣтъ они другъ отъ друга отлучены, и видѣться имъ не можно; естьли же дерзнетъ кто волю боговъ испытать, такого дерзкаго преступника сїе огненное копье смертїю накажетъ. По сихъ словахъ изчезъ гигантъ какъ молнїя; тогда зрительная статуя стала въ прежнемъ состоянїи разрушенный храмъ паки соорудился, и гора колебаться перестала; все сїе въ въ толь сильный ужасъ привело волшебника, что не зналъ онъ,

что ему тогда должно было дѣлать; онъ стоялъ весьма долго неподвиженъ, одумавшись же нѣсколько, сказалъ флоридскому Князю: хотя сильный сей духъ, коему препоручено хранить вашу супругу, таковымъ отвѣтомъ приводитъ насъ въ горесть и отчаянїе, но оставлю ли я еще однажды не испытавши? любя я васъ, всѣ свои употреблю силы узнать о томъ, гдѣ обрѣтается дражайшая твоя супруга. По сихъ словахъ сошелъ волшебникъ съ горы, и проходя многїя аллеи, бѣсѣдки и цвѣтники, пришли на конецъ въ померанцовую, Юпитеру посвященную, рощу, по срединѣ коей стоялъ самаго чистаго восточнаго хрусталя со изумрудными столпами храмъ, гдѣ множество возженныхъ свѣтильниковъ освѣщали

его

его внутреность, коихъ блескъ освѣщалъ глаза зрителей; по среди сего храма стоялъ брилїантовый престолъ, на верху котораго на золотомъ глобусѣ стояла изъ такогожъ металла Юпитерова статуя, показывающая видъ прїятный и веселый, испущающїй изъ рукъ своихъ на землю громъ и молнїю. Жеонго повергается предъ истуканомъ страшнаго того бога, такъ же и Флоридскїй Князь съ двенадцатью своими богатырями; и волшебникъ началъ Юпитера умилостивлять жертвами, стараясь тѣмъ подвигнуть его на милость, а чрезъ то узнать о заключенной Амазонской Принцессѣ Велеумѣ; Юпитеръ изрѣкъ тогда симъ просителямъ слѣдующїй отвѣтъ:

„ Пять

,, Пять лѣтъ страдая онъ не можетъ зрѣть ея,
,, Въ томъ воля всѣхъ боговъ, въ томъ воля и моя.

Сей Юпитеровъ отвѣтъ ввергнулъ Флоридскаго Князя въ отчаяніе; но Жеонго его паки ободрилъ, всѣми мѣрами стараяся обнадѣжить, что во все сіе пятилѣтнее время приложитъ онъ имѣетъ то усерднѣйшее стараніе, чтобъ сыскать точно, гдѣ обрѣтается дражайшая его супруга, сіежъ надѣялся исполнить не своимъ искуствомъ; но прилѣжнымъ прошеніемъ боговъ.

Три мѣсяца угащивалъ Жеонго Флоридскаго Князя, своего друга, на островѣ владѣнія своего, въ кое время, чтобъ отгнать изъ сердца его несносную пе-

чаль

чаль, всегда дѣлалъ для него ежедневныя забавы, а наипаче тою усладительною музыкою, которая развлеченной разными смущенiями разумъ оживотворяла. По семъ предложилъ Гуакъ другу своему Жеонгу, что когда судили боги пять лѣтъ страдать ему отсудствiемъ отъ дражайшаго его предмѣта; то онъ въ сiе время намѣренъ путешествовать по пронстранству всего свѣта; и сiе дѣлаетъ не для полученiя себѣ славы, но, чтобъ скорѣе препроводить дни горестной своей жизни: сiе предложенiе ни мало Жеонга но опечалило.

Тогда престарѣлый сей волшебникъ беретъ Гуака въ свои объятiя, лобызаетъ его со всею искренностiю своего сердца, обѣщаясь во время отсудствiя вся-

кїе чинить происки о дражайшей его супругѣ; провожаетъ его до самаго морскаго берега, гдѣ паки отдаетъ ему скоровѣстную стрѣлу, и другую спущаетъ съ лука своего въ море, по которой въ шужъ почти минуту предстало небольшое, но весьма украшенное судно; мачта сего судна была вызолочена, флагъ былъ изъ самаго тонкаго Индїйскаго полотна, на коемъ изображено было золотое солнце, а веревки свиты были изъ Китайскаго шелку на ономъ суднѣ, кромѣ одного лоцмана, никого матросовъ не было; однако волшебникъ увѣрялъ Флоридскаго Князя, что ежели онъ будетъ ѣхать на ономъ небольшемъ суднѣ, и повиноваться въ случаѣ волѣ кормщика: то не опасаясь ничего, можетъ онъ ѣздить по бурливѣйшимъ морямъ

и не можетъ быть поглощенъ никакими свирѣпѣющими волнами.

Когдажъ положенъ былъ въ судно надлежащїй нужный запасъ, тогда разлучаются сїи тѣсные между собою друзья, и Гуакъ со всѣми своими богатырями возходитъ на судно. Вѣтеръ дулъ тогда способный и по приказанїю Флоридскаго Князя бѣжало судно въ восточныя моря, какъ птица. Въ двадцать дней ихъ плаванїя не было имъ никакого приключенїя, но въ двадцать первой день, вдругъ море начало чернѣть и вѣтры парусы надувать, судно сдѣлалось игралищемъ морю; но какъ кормщикъ искуствомъ своимъ преодолевалъ всѣ опасности и страхъ: то судно разсѣкая голны неслось по

 водамъ,

водамъ, какъ парящая по возду-
ху птица. Къ концу третьяго дня буря нѣсколько утихла; тогда представилась имъ весьма свѣтлая ночь, и при мѣсячномъ сїянїи увидѣли они при одномъ пустомъ островѣ два большїя судна, которыя сошедшись между собою близко и притянувшись крючьями, начали ужасное сраженїе. возшумѣли тогда многочисленныя стрѣлы, стукъ сабельной съ обѣихъ сторонъ раздавался по воздуху, и касаясь слуху Флоридцовъ, заставлялъ ихъ примѣчать толь геройское сраженїе. Но сколь велико было удивленїе богатыря Великосила, когда увидѣлъ онъ, что на корабль разбойнической вскочилъ одинъ мужественный рыцарь, очень ему извѣстный, коего мечь косилъ разбойниковъ, какъ серпъ

серпъ траву, и убивши безъ числа тѣхъ грубїановъ, возвратился опять на свое судно, защищать ослабѣвающихъ своихъ солдатъ. ,, Ваша свѣтлость, говорилъ Великосилъ другу своему Гуаку: я требую отъ васъ дозволенїя, подать помощь военному сему кораблю, на коемъ знакъ моей державы; сей мужества блескъ оказанный надъ разбойниками, есть того министра, которой служилъ при дворѣ нашемъ въ чинѣ начальника тѣлохранителей. Тогда по приказу Флоридскаго Князя искусный лоцманъ притянулъ корабль къ разбойникамъ; возшумѣло тогда храбрыхъ богатырей оружїе, полилась кровь разбойническая съ корабля ручьями. Великосилъ сражается съ самымъ атаманомъ, и по недолгой битвѣ катится

 сопер-

соперникова голова въ море; разбойники видя, что лишились своего начальника, бросаютъ оружїе и предаются въ пленъ; но разъяренный Арабскїй владелецъ не внимая гласу ихъ вопля, предавалъ смерти всехъ съ головы на голову. Когдажъ овладели разбойническимъ судномъ, тогда храбрый Морбель (такъ назывался победоносный тотъ рыцарь) узнавши своего Государя, повергается предъ нимъ на колени и со слезами произноситъ следующїя слова:

„Всемилостивейшїй мой Го„сударь, не столько я благо„дарю промыслу, которой чрезъ „ваше геройство избавилъ насъ „отъ кровопролитїя, следова„тельно жизнь нашу сохра„нилъ рукою нашего владельца; „но за то паче должны мы

воз-

,, воздать благодарность небу,
,, что на третій годъ моего самовольнаго путешествія, увидѣлъ я лице моего Государя,
,, при семъ видѣніи столько радуется духъ мой, что описать оную не въ силахъ! но съ
,, другой стороны безъ пролитія слезъ не возможно произнести
,, ни единаго слова, о тѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, какія учинились въ отсудствіи
,, вашемъ; но нельзя, чтобъ
,, оныхъ не изъяснить вашей
,, Свѣтлости.,,

Рыданіе сего министра наипаче побудило Великосила, принудить его изъяснить подробно, какія обстоятельства произходили въ его отсудствіи; и онъ началъ слѣдующими словами;
,, Наслѣдный государь! Владѣтельница острова Суматра,

,, ваша

„ваша машь, по отѣѣздѣ ва-
„шемЪ вЪ трепiй мѣсяцЪ скон-
„чалась; малолѣтный ея сынЪ,
„вашЪ же братЪ, учиненЪ былЪ
„ГосударемЪ надЪ Суматр-
„скимЪ народомЪ; но бунтов-
„щикЪ СигбаидЪ правилЪ нашею
„областiю.... „АхЪ! что та-
кое бунтовщикЪ, прервалЪ рѣчь
ВаликосилЪ. КакЪ! почему Сиг-
баидЪ бунтовщикЪ? сей великiй
министрЪ и наперстникЪ Суматрс-
каго Князя, можетЪ ли только
называться толь порочнымЪ на-
именованiемЪ? ахЪ! что такое
учинилось! продолжалЪ Велико-
силЪ, увѣдомь меня, дражайшiй
Морбель! и сей министрЪ про-
должалЪ слѣдующее говорить:
„Честолюбiе и гордость пону-
„дили сего наперстника, вознес-
„тись выше своего жребiя; не-
„доволенЪ онЪ былЪ тою славою
и

„и честїю, что только не „имѣлъ на главѣ своей вѣнца, „но власть свою простиралъ по „всѣмъ своимъ прихотямъ; и „оной возложить на главу свою „предпринялъ всѣ не праведныя „мѣры. Сей неистовый честолю-„бецъ первее безмѣрною своею „щедростїю вознамѣрился скло-„нить на свою сторону всѣхъ „знатныхъ министровъ, и войс-„ко заставилъ себя любить до-„безконечности; потомъ воздвиг-„нулъ руку свою и на младаго „владѣтеля: онъ первее предалъ „смерти младаго Князя, ваше-„го дражайшаго брата, опоивъ „его смертнымъ ядомъ, потомъ „пронесъ слухъ, утверждая нѣ-„какими подкупленными Индїй-„цами, и о вашей кончинѣ, ска-„зывая, что вы возвращаясь въ „отечество потонули разбитї-

емъ

„ емъ корабля на Персидскомъ мо-
„ рѣ. Упоя сей бунтовщикъ нѣ-
„ которыхъ придворныхъ минис-
„ тровъ и военачальниковъ симъ
„ лѣсти ядомъ, войско и народъ
„ склонилъ ласкательствомъ, а
„ болѣе щедростїю, не щадя на
„ то никакихъ сокровищь, пред-
„ ками вашими собранныхъ. И
„ такъ возведенъ онъ былъ на
„ престолъ Суматрскаго Княже-
„ нїя, всѣ учинили ему присягу;
„ чтожъ касается до меня, то я
„ отнюдь не покорился сему не-
„ законному Государю; я лучше
„ вознамѣрился лишиться лю-
„ безнаго моего отечества, и
„ странствовать по простран-
„ ству свѣта, въ надѣждѣ сыс-
„ кать законнаго Государя, не-
„ жели служить Царскаго племе-
„ ни убїйцѣ. И вотъ лучь счас-
„ тїя моего нынѣ возсїялъ, на-
шелъ

„ шелъ я моего Государя, коего искалъ долгое время, и теперь „ съ 100. моихъ вѣрныхъ воиновъ, которые также не захотѣли повиноваться незаконной „ власти, предстою предъ вами, „ какъ предъ такимъ Государемъ, „ за коего всѣ силы и всю кровь „ нашу до послѣдней капли излїять готовы. „

Сїя ужаса достойная вѣдомость можетъ поколебать наимужественнѣйшее сердце; да и Великосилъ лїетъ слезы по лицу потоками. Смерть учиненная тираномъ и убїйцею младому Князю его брату, столь сильно его тревожила, что скрежещетъ на убїйцу зубами, и повергшись къ ногамъ Флоридскаго Князя, слезно проситъ его покровительства, отмстить толь великое злодѣйство.

Фло-

Флоридской князь будучи подвигнутъ жалостїю, къ тому жъ любя весьма друга своего Великосила, на сїе кровопролитное отмщенїе тѣмъ паче согласился, что отъ него зависѣло нѣкоторое его благополучїе. Отдаетъ приказъ своему лоцману, чтобъ направить корабля теченїе къ острову Суматру, которой стоялъ на Индїйскомъ морѣ. Чрезъ нѣсколько дней, по благополучной погодѣ сїи герои того острова достигши, приставаютъ къ берегу, и разположившись на прекрасномъ лугу шатрами, намѣрены сдѣлать себѣ отдохновенїе, а на другой день Флоридскїй Князь написалъ къ Сигбаиду, которой неправильно владѣлъ сею областїю, слѣдующаго содержанїя письмо.

СИГ-

„СИГБАИДЪ!

„Ежели открылось твое без-
„законїе свѣту, что ты уморилъ
„отравою Суматрскаго младаго
„Князя, да и скипетромъ его
„владѣешъ: то недолженъ ли
„ты понести за сїе жесточай-
„шее мщенїе? но легче ты бу-
„дешъ наказанъ, ежели раскаеш-
„ся въ содѣянномъ тобою без-
„законїи, предъ цѣлымъ свѣтомъ;
„естьли же сверхъ чаянїя употре-
„бишъ въ оборону невинное че-
„ловѣческое кровопролитїе: такъ
„знай, что не избѣжишъ горь-
„кой смерти.„

Гуакъ,
странствующїй рыцарь.

Письмо сїе чрезъ одного Фло-
ридскаго богатыря было вручено
Суматрскому владѣльцу, кото-
рой оное прочитавши весьма ужа-
снулся. Онъ, собравши своихъ ми-

 нист-

нистровъ, требуя совѣту, какъ поступить съ непрїятелями, подъ его столицу подступившими. А когдажъ прочтено Гуаково письмо, то всѣ оное почли за пустую выдумку; и Сигбаидъ, ободрясь надеждою, отвѣчалъ Флоридскому Князю чрезъ тогожъ посла, что онъ съ своими вѣрно подданными честь свою защищать намѣренъ.

Сїя Суматрскаго владѣтеля непокорность подвигла на него грозное мщенїе; но Сигбаидъ видя малое число непрїятелей, былъ въ надеждѣ предать всѣхъ смерти безбою.

Тогда возгорается военнаго дѣйствїя пламя; когда разтворились ворота крѣпости, то Флоридскїй Князь показывается на ратномъ полѣ съ. 12. своими богатырями, а Великосилъ съ

100

100. воиновЪ и храбрымЪ Морбелемъ. СигбаидЪ весьма удивляется, видя толь малое число непрїятелей, которой вышелЪ не менѣе какЪ вЪ 5000. состоящемЪ войскѣ, и толикое жЪ число еще бѣжало сЪ великимЪ стремленїемЪ; но не сражаться сЪ нимЪ, видя малолюдство, а смотрѣть на прелестной сихЪ рыцарей уборЪ, какой блисталЪ на флоридскомЪ Князѣ и его богатыряхЪ; и когда Суматрское войско осыпало со всѣхЪ сторонЪ; ГуакЪ принялЪ ихЪ совсѣмЪ не такЪ, какЪ они думали; сей герой возгремѣлЪ на нихЪ побѣдоносньмЪ своимЪ оружїемЪ, закипѣла тогда страшкая военная буря, все поле пришло отЪ того вЪ великое движенїе и покрылось мертвыми тѣлами, сверкали сабли непобѣдимыхЪ богатырей между непрїя

телями, какЪ молнія; отЪ чего сіе войско устоять не могши, разсыпалось; и СигбаидЪ, которой самЪ тутЪ присудствовалЪ, не только не сражался, но едва спасЪ животЪ свой.

На другой день учинилось всему почти городу извѣстно, что ВеликосилЪ, законный Суматрской области наслѣдникЪ, живЪ, и которой самЪ во время сраженія омочилЪ оружіе вЪ крови непокорныхЪ своихЪ подданныхЪ. Тогда весь народЪ и войско взбунтовалось, и хотѣли выдать хищника Сигбаида руками; однако онЪ сЪ нѣкоторыми своими единомышленниками укрывшись, избѣжалЪ достойной по дѣламЪ своимЪ казни.

Флоридскій Князь, вошедши вЪ городЪ, привѣтствуемЪ бываетЪ какЪ великій побѣдитель,

а Великосилъ встрѣчаемъ отъ всего народа какъ достойнѣйшій наслѣдникъ. Войско и народъ приносили предъ нимъ извиненіе въ томъ, что будучи обольщены лестію наперсника, почли его мертвымъ, и тиранну дозволили носить Княжескій вѣнецъ; но Великосилъ все сіе имъ прощалъ, Тогда обрадованные Суматрской столицы жители, съ усердіемъ признавъ Великосила за своего законнаго наслѣдника, учинили ему въ вѣрности присягу; и такъ все сіе, касающееся до возшествія на престолъ Суматрскаго Князя, совершилось наиторжественнѣйшимъ образомъ.

По окончаніи трехъ мѣсячнаго торжества, какое дѣлалъ Суматрскій Князь для коронованія своего, болѣе жъ для друга своего Гуака, желая всячески уго-

стить, потому, что его старанїемъ и обладателемъ острова Суматры учинился, по прошествїи жъ сихъ торжественныхъ дней, предложилъ Флоридскїй Князь новому сему владѣльцу, что оставляетъ его царствовать надъ Суматрскимъ народомъ, а самъ желаетъ отплыть въ столицу Индїйскаго султана. Великосилъ сколь много ни прилагалъ старанїя, чтобъ его на нѣкоторое время еще удержать при своемъ дворѣ; но принужденъ былъ во многихъ слезахъ разставаться, сверьхъ оказанныхъ тысячи прїятствъ, одарилъ его наидрагоценнѣйшими, подарками, и провожалъ Гуака со всѣми своими министрами до самой пристани; и Гуакъ простясь съ Великосиломъ, отправился на своемъ суднѣ при благополучномъ

вѣтрѣ

ветрѣ въ море. Онъ приказалъ своему лоцману плыть въ Индїю, то есть въ то великое Государство, коего владѣтель почитается первымъ на востокѣ Монархомъ.

Прибытїе Американскаго Князя къ Индїйскому двору было великолѣпно. Сей Государь принявъ его на аудїенцїю, спрашивалъ о причинѣ прибытїя его ко двору. Гуакъ сверьхъ обьявленїя о своей природѣ, изъяснился въ томъ, какая причина его путешествїе по свѣту; онъ ищетъ рыцарей, съ коими въ присудствїи державныхъ лицъ имѣетъ охоту составлять геройскїе поединки. Индїйскїй султанъ, будучи любитель геройскихъ подвиговъ, вознамѣрился освидѣтельствовать сего Князя при своемъ присудствїи. Гуакъ на открытомъ тур-

нирѣ оказалъ дивную свою храбрость надъ всѣми Индійскими рыцарями столь похвально, что не сыскался ни одинъ такой, которой бы изключилъ себя отъ всенароднаго посмѣянія. Толь чудною своею храбростію, столько привелъ въ удивленіе сей Князь Индійскаго Султана, что сей великій государь, сверьхъ того, что одарилъ его великими подарками, жаловалъ чиномъ, ежелибы онъ остался при его дворѣ. Но когда гуакъ объявилъ, что намѣреніе его есть путешествовать по всѣмъ четыремъ свѣта частямъ; то Индійскій Султанъ сверхъ великаго чина, далъ ему за подписаніемъ своей руки похвальную съ свидѣтельствомъ о его геройствѣ грамоту: онъ взявъ сіе, обратно моремъ отправился

въ

въ Персїю, коей и достигнулъ благополучно.

Прибытїе сего свидѣтельствованнаго рыцаря въ Персидскую столицу, было въ самое то время, когда Шахъ, оной земли владѣтель, собравши славной турниръ, веселился на ономъ многими рыцарскими забавами, куда храбрый Флоридскїй Князь прибывши, удивилъ публику бѣгомъ чуднаго своего коня, посрамивъ всѣхъ славныхъ Персидскихъ бѣгуновъ, безпримѣрнымъ же своимъ геройствомъ убивъ одного славнаго богатыря, на прочихъ рыцарей навелъ робость и отчаянїе. За таковые чудные геройскїе поступки, получилъ онъ отъ Шаха Персидскаго самоличныя почести, драгоцѣнные подарки и похвальную грамоту, въ коей названъ былъ новымъ Геркулесомъ.

Изъ Персїи отправился сей славный рыцарь въ Турецкое Государство, чтобъ видѣть преславный градъ Константинополь, куда прибывши принужденъ былъ прожить долгое время, ожидая того дня, въ которой бываетъ въ честь Магометанскому законодателю творима память. Сїе Магомету жертвоприношенїе не подавало Флоридскому Князю ни малѣйшаго любопытства! только выѣздъ Турецкаго Султана на Амфитеатръ, понудилъ его предстать туда со всѣми богатырями наивеликолѣпнѣйшимъ образомъ, гдѣ Флоридскїе богатыри надъ Турецкими наѣздниками, такъ храбростїю прославились, что каждый получилъ отъ Султана наидрагоцѣннѣйшїе подарки, а геройственный Гуакъ за троекратные съ тремя соперни-

ками смертные поединки, сверьхъ подарковъ жалованъ былъ визиремъ? но не принявши на себя сего чина, получилъ обыкновенный себѣ указъ, которой не только дѣлалъ его вольнымъ путешественникомъ по всему Турецкому государству, но и вездѣ дѣлали ему отмѣнное почтенiе.

Проѣхавъ сей славный рыцарь всю Турецкую землю, вступилъ въ Европу, и по довольномъ путешествiи своемъ, достигнулъ Мальтiйскаго острова, гдѣ обучающееся военнымъ наукамъ юношество прославлялось своимъ рыцарствомъ, куда прибывши Флоридскiй Князь вознамѣрился оказать геройства своего блескъ; но какъ не возможно было нарушить тамошняго узаконенiя, то онъ и записался въ военную школу, гдѣ

гдѣ въ короткое время столь оказался знающимъ всему тому, что касалось до рыцарства, что всѣ тогдашныхъ времянъ рыцари удивились дарованїямъ, какїя имѣлъ флоридскїй Князь. При отъѣздѣ же своемъ, отъ Мальтїйскїя школы членовъ былъ свидѣтельствованъ на дуэлѣ и поединкахъ, гдѣ но только удивилъ собранїе, но устрашилъ публику и соперниковъ своихъ; зачто получилъ отъ школы за подписанїемъ всѣхъ членовъ похвальный листъ.

Изъ Мальтїйскаго острова проѣхалъ онъ въ Корсиканское Королевство, въ Италїю, Англїю, и прочїя знатныя проѣзжая Королевства, вездѣ принимаемъ бывалъ державными особами, и угощаемъ по его достоинству наивеликолѣпнымъ об-

разомъ; наконецъ прибылъ онъ въ Вѣну, столицу Германскаго Королевства, гдѣ тогда славились тамошнїе Королевскїе рыцари; но нѣкоторой случай отвлекъ его отъ геройскихъ съ Германскими Кавалерами поединковъ. На другой день Гуакова въ сей городъ прибытїя, прїѣхалъ ко двору Португальскїй посланникъ съ Королевскою грамотою, въ коей было написано такое обьясненїе: что Король Іоанъ, по прошенїю своего сына, сбираетъ въ Лизбонскую столицу кавалерское собранїе, коему желаетъ представить того великаго рыцаря, коего называли Адольфомъ, и который храбростїю не только славился въ Европѣ, но и въ цѣломъ свѣтѣ. Толь сильнѣйшее побужденїе понудило Гуака оставить Германїю, и поспѣшать на славный

съѣздъ, которой быть имѣетъ въ столицѣ Португальскаго Королевства.

Въ третїй день благополучнаго Гуакова въ Португаллїю путешествїя, нѣкоторой случай остановилъ его на пути, а имянно: два брегантина съ Турецкими разбойниками отважились смѣло напасть на сего поспѣшающаго въ Португаллїю рыцаря. Но когда по приказу Гуакову возгремѣло непобѣдимыхъ Флоридцовъ оружїе; то разбойники убавя свирѣпства, принуждены были отступить, не получа въ добычѣ своей ни малѣйшаго успѣха; но прогнѣванный дерзостїю Корсаровъ Флоридскїй Князь, приказываетъ лоцману своему направить за нимъ въ погоню корабль свой, и притянувшись къ кораблямъ ихъ крючьями, отмстилъ

за дерзость ихъ кровожаждущимъ своимъ мечемъ, предавши всѣхъ смерти съ головы на голову, овладѣлъ всѣмъ богатствомъ ихъ, и плѣнникамъ далъ свободу. Сїе съ разбойниками сраженїе стоило ему не малой важности; сколь скоро онъ въ Португаллїю ни поспѣшалъ, но незасталъ начала славныя рыцарскїя публики, да и къ концу оной едва чрезъ толпящїйся многочисленный народъ могъ проѣхать на оную и предстать предъ тронъ Португальскаго Короля.

Сей государь сколь много удивился великолѣпному убору, какой блисталъ на Флоридскомъ Князѣ и его богатыряхъ, столь паче отвѣту его, когда былъ онъ спрашиванъ о родѣ своемъ и имѣни! Вы не болѣе должны обо мнѣ заключить, отвѣчалъ гуакъ на

вопросъ Португальскому Королю какъ о такомъ человѣкѣ, которой по виду есть чужестранецъ, а по убранству воинъ, и прибытіе мое въ вашу столицу есть по вашемужъ писанію.

Тогда Португальскій Король приказалъ для него возобновить паки рыцарскіе поединки, и Гуакъ выѣхавши на средину Амфитеатра, сколько взоромъ своимъ плѣнилъ очи зрителей, столь паче страшнымъ штурмованіемъ устрашилъ своихъ соперниковъ, и сдѣлавшись побѣдителемъ надъ десятью рыцарями, навелъ на прочихъ страхъ; трепетъ и отчаяніе, чемъ и кончились поединки. Король звалъ его во дворецъ; но онъ на то не согласился.

Въ назначенный потомъ день паки наполнился театръ прекрасными Европейскими витязями,

многихъ восточныхъ земель храб-
рыми рыцарями, куда немедленно
предсталъ и Американскій Князь
съ мужественными своими богаты-
рями. И лишъ только Португаль-
скій Король съ сыномъ своимъ,
для коего сбиралась и публика,
на мѣстѣ своемъ сѣли, то и нача-
лись поединки; и первый герой-
ственный гуакъ пущается на
публику какъ молнія и по нѣко-
торомъ страшномъ шурмованіи
составляетъ поединокъ съ порту-
гальскимъ Кавалеромъ, коего повер-
гши жестокимъ ударомъ съ коня
долой на землю дѣлается еще
побѣдитель надъ шестью соперни-
ками; и когда всякой заключалъ
объ немъ, какъ о древнемъ герку-
лесѣ, и зрители готовы были
кричать торжественную похвалу
тогда нѣкоторый наипрекраснѣй-
шій рыцарь летѣлъ на публику

 тора-

гораздо скорѣе нежели пущенная отъ лука стрѣла; сей дивный Европѣйскїй Князь, явившись въ глазахъ у торжественнаго Гуака, такъ ему сказалъ: „Подумалъ „ли бы я противъ васъ вооружить„ся, ежелибъ кто другой отвѣ„чалъ точно противъ вашего му„жества!„

Сей плѣнящїй каждаго сердце кавалеръ такъ флоридскому побѣдителю понравился, что вмѣсто враждебнаго отвѣта, какъ обыкновенно бываетъ у соперниковъ, такъ ему сказалъ: „ежели при кон„цѣ пятилѣтняго моего по свѣту „путешествїя сыскивается мнѣ „подобный мужествомъ соперникъ, „за удовольствїе сїе сочту, что „я съ нимъ составлю мое дружест„во возвращусь въ отечество, об„радую того владѣтеля, которой „по сынѣ своемъ въ великомъ „отчаянїи.„

По-

По сихъ словахъ начали они разѣзжатся и по нѣкоторомъ страшномъ шурмованїй, съѣзжаются два геройственые Князя, коихъ сраженїе нѣсколько уподобилось удару страшнаго грома, и сверьхъ того что копья ихъ переломались, кони пали на колѣни, и самые всадники на землю съ оныхъ повергаются; и безчуственнымъ своимъ на земли лежанїемъ, ясно о себѣ доказали, что силою другъ другу были они подобные; однако Гуакъ вставши пробужаетъ и соперника своего нѣкоторымъ цѣлительнымъ лѣкарствомъ: онъ беретъ его въ свои обьятїя, называетъ великимъ другомъ, и чтобъ его въ своемъ дружествѣ увѣрить даритъ рѣдко виданнымъ подаркомъ и называетъ братомъ.

Толь великому чистосердечїю удивясь Гишпанской Князь

благодарилЪ наичуствительнѣйшимЪ образомЪ и просилЪ его со всѣю его свитою вЪ свой дворецЪ. И хотя званЪ былЪ Гуакъ кЪ Королю на вечернїй столЪ, но онЪ лучше желалЪ посѣтить своего новаго друга, кЪ коему расположено было сердце его братскою любовїю; они препроводили остатокЪ дня и нѣкоторую часть ночи вЪ разсказыванїи другЪ другу о чудныхЪ повѣстяхЪ своей жизни.

На другой день, когда равные мужествомЪ славные сїи рыцари представши предЪ Португальскаго Короля получили сЪ драгоцѣнными подарками похвальные свидѣтельствующїе геройство ихЪ листы; то Флоридскїй Князь просилЪ названаго своего брата, чтобЪ посѣтилЪ его отечество золотую Флориду, за которой трудЪ обѣщалЪ его наградить несравненно лучшими

пер-

первыхъ подарками, и изпросить тотъ чинъ, какого никто изъ министровъ его не имѣетъ. Невозможно чтобъ не удовольствовать желанїе толь великаго друга: Адольфъ со всею охотою на предложенїе Гуаково согласившись, желалъ видѣть Флоридскую славную область. И такъ ничего не мѣшкавъ отправились они въ намѣренный путь.

Во время продолженїя ихъ пути, много было пролито крови; ибо величайшїе въ тѣхъ мѣстахъ разбои побуждали храбрыхъ рыцарей ко ополченїю противъ грубїяновъ; но побѣды знатныя вездѣ были ими торжествованны благополучно, они достигаютъ того острова, гдѣ была столица Флоридскаго Князя Гуалиха, отца храбраго Гуака; когдажъ вошли они въ ту пространную

гавань, гдѣ помѣщалось многое число кораблей: тогда Гуакъ приноситъ благодарность искусному своему лоцману, что попеченїемъ его благополучно достигнулъ онъ любезнѣйшаго отечества, причемъ проситъ, чтобы, ежели можно содержалъ судно во всякой готовности къ будущему походу, потому что оканчивалось уже несноснѣйшее для него пятилѣтнее время, и онъ простиралъ свои мысли къ предмету самой его жизни дражайшему. На сїе корабельщикъ ему отвѣчалъ, что не только ему не можно отлучиться, но повелѣно во уреченое время паки представить въ островъ Жеонгова владѣнїя.

Гуакъ, представши предъ лице дражайшаго своего родителя повергается предъ нимъ на колѣ

на-

на и произноситъ слѣдущїя слова: „ Державнѣйшїй мой родитель! по пяти лѣтнемъ моемъ „по всему свѣту путешествїи, „судьба опредѣлила возвратится „мнѣ въ отечество мое благополучно; нынѣ предстою предъ „державнымъ лицемъ Вашей Свѣтлости, да и предстою съ другомъ, „указавъ на гишпанскаго Князя „путешествовалъ по Америкѣ, я „былъ въ Африкѣ въ Азїи на востокѣ и всю проѣхалъ Европу „вездѣ поставилъ Трофеи побѣды надъ рыцарями удивилъ Государя чуднымъ моимъ шурмованьемъ; многонародные турниры „взора моего трепетали, словомъ „не сыскалъ себѣ равнаго соперника въ цѣломъ свѣтѣ, но „Португаллїя представила мнѣ „онаго. Сей рыцарь оказалъ храбрость свою въ полномъ блескѣ

,,кѣ сїянїя, и сдѣлался мнѣ по-
,,добенъ, за что я въ мѣсто вражды
,,его полюбилъ и назвалъ его
,,другомъ и братомъ любя его
,,всѣмъ сердцемъ испрашиваю и у
,,васъ, дражайшаго моего родите-
,,ля, той ему милости, какую я
,,отъ васъ получить надѣюсь.,,

По сихъ словахъ вручаетъ Гуакъ родителю своему всѣ жалованныя ему отъ разныхъ Государей похвальные грамоты свидѣтельствующїя о его геройствѣ.

Не столько смотритъ обрадованный Гуалихъ налисты Гуакову храбрость свидѣтельствующїе, но паче взираетъ на лице своего дражайшаго сына, беретъ его въ нѣжныя свои объятїя, лобызаетъ главу и уста со всею горячностїю родительскаго сердца и по тысяче-кратномъ об-

лобы-

лобызанiи любезнаго своего сына, дѣлаетъ достойныя ласки и другу его, Гишпанскому Князю, и какъ тотъ день, такъ и другiе многiе были препровождены въ различныхъ веселостяхъ, для благополучнаго Гуакова въ отечество возвращенiя.

Гуакъ похвальнымъ своимъ описанiемъ о великомъ рыцарствѣ Гишпанскаго Князя Адольфа побудилъ Флоридскаго Князя, своего родителя самоличнымъ присудствiемъ освидѣтельствовать храбрость его, при многочисленной публикѣ. Онъ едва-ли тому вѣрилъ, чтобъ сей рыцарь, въ мужествѣ и прочихъ похвальныхъ Кавалерскихъ дѣйствiяхъ, могъ подобиться Гуаку, сыну его. Вскорѣ разослалъ сей ревностный Государь повелѣнiя по всей своей державѣ, такъже и къ подвластнымъ Госу-

дарямъ, созывая въ свою столицу всѣхъ славныхъ витязей; день собранїю былъ назначенъ въ которой начали съѣзжаться на мѣсто амфитеатра всѣ славные рыцари и двунадесяти областей державныя особы. Тогда въ присудствїи самаго флоридскаго Князя и сына его Гуака начались опыты геройственныхъ примѣровъ; прекрасный Гишпанскїй Князь Адольфъ оказываетъ на многонародной публикѣ блескъ своего славнаго рыцарства, и тѣмъ страшитъ соперниковъ, а Гуалиха принуждаетъ удивлятся; сверьхъ того что побилъ толпы неукротимыхъ звѣрей натянулъ крѣпкой лукъ Немвродовъ и убилъ лютѣйшаго Вепря, и побѣдилъ многихъ храбрыхъ флоридскихъ воиновъ и другихъ земель рыцарей. Такой достойный чести и многихъ похвалъ кавалеръ,

сверьхъ

сверьхъ многонародныхъ похвалъ, получилъ отъ Гуалиха драгоцѣнные подарки, и готовился ему великаго министра чинъ.

Любя горячо Флоридскїй Князь достойнаго любви сына, изливаетъ на него всѣ свои милости, возводитъ его на престолъ своего царства, вручаетъ ему скипетръ и корону, дѣлаетъ его самодержавнымъ золотой Флориды Княземъ, и повелителемъ надъ двунадесятьми окрестными странами, самъ желая покоиться прїятною тишиною; а великаго его друга, то есть славнаго героя Адольфа, жалуетъ чиномъ, верьховнымъ Княжескимъ тѣлохранителей начальникомъ, то есть первымъ съ государствѣ министромъ, и главнымъ полководцемъ Флоридскихъ войскъ.

Шесть мѣсяцовъ прошло, какъ Гуакъ принялъ отъ руки родителя своего скипетръ и корону; онъ началъ царствовать, и правленïемъ мудрымъ усугубилъ счастïе своихъ подданныхъ, но самъ былъ крайнѣ несчастливъ; предметъ достойнѣйшïй любви его не только былъ отъ него я удаленъ, но и погруженъ въ безднѣ неизвѣстности; другъ его Адольфъ его оставляетъ и отъѣздомъ своимъ въ Гишпанïю наводитъ ему несносную горесть; всѣ сïи печальныя обстоятельства несказанно крушатъ сердце славнаго сего владѣтеля ни iъ какихъ забавахъ утѣшенïя себѣ сыскать не можетъ.

Уже приближается конецъ Гуакова съ супругою пятилѣтняго разлученïя Сей Князь желая перьвѣе узнать отъ друга своего Жеонга,

га, какъ ему начать предпріятія въ сысканіи дражайшей его супруги; небыло инаго средства кромѣ того какъ требовать совѣта отъ благодѣтельнаго сего волшебника чрезъ скоровѣстную стрѣлу, почему испущаетъ оную сѣлука съ такимъ намѣреніемъ, что ему начать дѣлать? Обыкновеннымъ образомъ чрезъ туже самую стрѣлу получаетъ отъ него отвѣтъ въ слѣдующихъ словахъ:

СВѢТЛѢЙШІЙ КНЯЗЬ!

„Время злощастія вашего „кончилось; настаетъ часъ сокращающій минуты злостраданія „твоего, приготовляйся паки къ „путешествію, но по волѣ твоего отца; вооружись оружіемъ „страшнаго Зилагона; боги намъ „хотятъ быть помощниками, „какъ противъ вашей соперницы, „такъ

такъ, и въ освобожденіи заклю-
ченной властію ихъ Велеумы.

Толь надежный и радостный отвѣтъ ободрилъ Флоридскаго Князя къ полезному предпріятію; онъ пошелъ въ чертоги своего родителя и представши полагаетъ предъ нимъ корону и скипетръ, вынимаетъ мечь изъ своихъ ноженъ, и подавая оной самъ повергается на колѣна; глаза его наливаются слезами и языкъ его едва вѣщаетъ: „ Дражайшій мой родитель! воз-
„ ложи паки на главу свою Княжес-
„ кую корону, и возьми въ руки
„ скипетръ управлять народомъ, и
„ мечемъ отражать враговъ: судь-
„ ба опредѣляетъ мнѣ еще путе-
„ шествовать по свѣту.

О сынъ мой любезный! утѣха сердца моего, и подпора старости моей вѣщаетъ тогда Гуалихъ самъ облившись слезами,

что

что такое ты еще предпринять хочешь? развѣ не доволенъ ты, что владѣешь золотою Флоридою, и двѣнадцатью державами, власти твоей покоренными? какой еще желаешь себѣ славы? похвальныя грамоты, восточными и западными Государями тебѣ дарованныя, не сильны ли честолюбїю твоему положить границы? Ни Александръ великїй ни Геркулесъ сильный не оказали такихъ геройскихъ дѣянїй, какъ ты въ пятилѣтнее твое по свѣту путешествїе; то какая еще причина побуждаетъ тебя оставить престолъ и родителя? скажи мнѣ любезный сынъ. „Да прекратит мечь сей „жизнь недостойнаго твоего сы„на, продолжалъ Гуакъ: я столько „предъ вами виноватъ, что снести „должен всякое возложенное „на меня ваше наказанїе, да и боги

,, казнили меня за сїе весьма же-
стоко. ,, По сихъ словахъ ороша-
етъ Гуакъ лице свое слезами,
тяжко воздыхаетъ и паки про-
должаетъ говорить: о недостой-
ный отеческаго милосердїя сынъ!
дерзнувшїй безъ воли родителя
вступить въ бракъ; потомъ раз-
сказываетъ онъ подробнымъ обра-
зомъ все въ Амазонїи случившееся
несчастїе; и окончавши повѣсть,
проситъ слезно опять своего ро-
дителя, чтобъ дозволилъ онъ
ему отправиться для взысканїя
дражайшїя супруги и для от-
мщенїя злобной волшебницѣ Зе-
весѣ.

Дивится несказанно прес-
тарѣлый Князь Гуалихъ дивному
мужеству своего сына; крайнѣ
сожалѣетъ о его несчастїяхъ, и
продолжаетъ говорить. ,, Когда
,, боги милосердїе тебѣ являютъ,
,, то

„ то я тебя прощаю, и даю по-
„ зволенїе ѣхать на взысканїе
„ твоего благополучїя. „ По сихъ словахъ отдаетъ Гуалихъ приказъ старому своему казначею, чтобъ онъ принесъ побѣдоносныя для смертныхъ оружїя; тогда по приказу престарѣлаго сего Князя, принесенъ былъ съ золотою кованью ящикъ, откуда вынимаетъ Гуалихъ украшенный каменьями древняго Немврода лукъ, и подавая оной своему сыну, говорилъ:

Вотъ оружїе, коимъ ты хотя и убивалъ звѣрей, но не зналъ сколь велика заключается въ немъ важность: учрежденъ сей лукъ древнимъ Немвродомъ, которой былъ Гигантъ и волшебникъ, разрушалъ онъ оружїемъ симъ всѣ въ свѣтѣ вещи, и былъ побѣдитель надъ Гигантами и чудами, страшное

волшебство его трепетало, и самыя духи покарялись, чтожъ скажу о стрѣлахъ, коихъ число десять; стрѣлы сїи столько же есть побѣдительны, какъ и лукъ, кои не только лишаютъ жизни смертное племя, но и крѣпкое зданїе разрушить могутъ; за Талисманъ сей о должаемся мы благодарить великому мужу, храбростїю и мудростїю прославившемуся истребителю злаго волшебства и основателю раззоренной Флориды, моему отцу, твоемужъ дѣду Князю Зилагону, которой многїе лѣта подъялъ труды, доставая сїе оружїе въ развалинахъ древняго Вавилона. Гуакъ поцѣловавши сїе оружїе, восхищается несказанною радостїю; постой ты, любезный сынъ, еще ты несовершенъ въ счастливыхъ предпрїятїяхъ, прїими еще отъ руки моей тогожъ великаго Зилагона

тона другое важное оружїе: По сихъ словахъ изъ тогожъ ящика вынимаетъ Гуалихъ чуднаго виду мечь древняго Вирстона называемый: вотъ, дражайшей мой сынъ, продолжалъ престарѣлый Князь другое тебѣ оружїе, не чудись ты крупнымъ брилїантамъ, коими осыпанъ ефесъ, ни ножнамъ изъ чешуи Вавилонскихъ Змїевъ, узнай важность меча сего: нѣтъ на свѣтѣ такой тлѣнной вѣщи, коя отъ прикосновенїя его не повредилась; онъ все разрушаетъ, а его ничто вредить не можетъ, потому что учиненъ сей Талисманъ подъ созвѣздїемъ.

Гуакъ лобызаетъ сїе оружїе, и находитъ довольныхъ мыслей соотвѣтствующихъ за любовь къ своему родителю: онъ повергается ему въ ноги; но сердобольный

сей отецъ, поднимая его говоритъ: не трать время, любезный сынъ, не трать напрасно, говорю ни единой минуты драгаго времени, бери оружїе волшебство поражающее, поспѣшай отъ неволи избавить страждущую супругу твою, и соперницѣ отмщай справедливымъ образомъ, боги тебѣ дабудутъ помощники.

По тысяче-кратныхъ облобызанїяхъ, оставляетъ гуакъ родителя своего, самъ возходитъ съ двенадцатью своими богатырями на богатое судно, объявляетъ искусному лоцману плаванїя своего намѣренїе. Лѣтитъ карабль по волнамъ какъ птица, и никакое злоключенїе въ пути ему не препятствуетъ, достигаетъ онъ того острова благополучно, гдѣ обиталъ другъ его Жеонго.

При-

Прибытїе флоридскаго Князя къ острову сего волшебника было ему извѣстно; выходитъ Жеонго на морской берегъ и встрѣчаетъ своего друга съ прекрасными своими юношами; онъ повергается къ ногамъ флоридскаго Князя, и стоя предъ нимъ на колѣняхъ, приходитъ въ трепетъ. Гуакъ, поднимая его отъ земли, весьма досадуетъ тому, что Жеонго предъ нимъ унижается; но сей волшебникъ продолжаетъ ему слѣдующее говорить: „Глубокое „сїе почтенїе клонится къ той „особѣ, кто носилъ на себѣ сей „многихъ его побѣдъ знакъ; сей „лукъ древняго Немврода болѣе „Зилагонъ прославилъ, нежели „самой его учредитель, и мечемъ „болѣе одержалъ побѣдъ, нежели „самой Вирстонъ. Какъ мнѣ не „отдать почтенїя тому важно-

„ му оружїю, коимЪ не одно-
„ кратно и моя жизнь сохранялась.
По сихЪ словахЪ лобызаетЪ Гу-
ака сЪ наичувствительнѣйшею
радостїю, и продолжаютЪ итти
вЪ великолѣпные покои, куда
пришедши начинаютЪ они прїят-
ную бесѣду. Флоридскїй Князь
спрашиваетЪ у своего друга, не
можетЪ ли онЪ подать ему ка-
кого извѣстїя о любезной его су-
пругѣ, то есть вЪ пятилѣтнее
время, не провѣдалЪ ли онЪ вЪ
какомЪ мѣстѣ находится Амазон-
ская Принцесса, и сколь великїя
претерпѣваетЪ она злостраданїя.
О Князь! отвѣчалЪ Жеонго, вЪ
сїе ваше отЪ меня отсудствїе,
вЪ кое опредѣлили боги жить
вамЪ сЪ супругою вашею вЪ раз-
лукѣ, сколь я ни прилагалЪ ста-
ранїя обЪ ней провѣдать, но не
могЪ никакЪ, потому что сами
все-

всесильные боги сокрыли ее отъ моихъ очей: но теперь, когда уже рокъ злосчастїя окончивается, и боги милостивы бываютъ, то можемъ мы смѣло приступить ко испытанїю божескихъ судебъ; однако нуженъ вамъ теперь прїятный покой, завтрешнїй же день покажетъ намъ много удивительныхъ дѣйствїй.

Жеонго старался угостить своего великаго друга, какъ вкуснымъ обѣдомъ, продолжающимся съ прїятною музыкою, такъ и прочимъ, до великолѣпнаго пиршества касающимся удовольствїямъ. При наступленїижъ ночи отведено было для всѣхъ покойное ложе.

Солнце взошло на горизонтъ, Жеонго и Флоридскїй Князь готовятся итти во храмъ Юпитеровъ,

ровъ, на прекрасномъ холмѣ воздвигнутый, въ коемъ волшебникъ и Гуакъ приносятъ ему жертву въ нѣсколькихъ тучныхъ юнцахъ состоящую; когдажъ всѣ пали на колѣна и мольбами своими испрашивали изрѣкающаго благоволенія, Юпитеровъ истуканъ изрѣкъ имъ слѣдующія слова:

„Пятилѣтній срокъ минулъ, снимаю (иго съ васъ;
„Къ побѣдамъ счастливымъ благословенъ вамъ часъ.

Сей Юпитеровъ отвѣтъ несказанно обрадовалъ Флоридскаго Князя и друга его Жеонга, которой беретъ гуака за руку, продолжаютъ итти къ горѣ, на которой стоялъ храмъ, гдѣ хранилась зрительная статуя. Достигнувъ до сего мѣста, приказываетъ Жеонго другу своему гуаку

аку учинить троекратное поклоненїе, послѣ коего велѣлъ ему встать на колѣна; и во время стоянїя его читалъ онъ много неизвѣстныхъ словъ, по окончанїи коихъ поднявши его на ноги говорилъ: О великодушный Князь! вотъ я тебѣ посредствомъ сего Талисмана хочу показать, гдѣ находится любезная твоя супруга; смотри въ зрительную сїю статую. Тогда представилось Гуаку страшное виденїе, на самой срединѣ великаго моря Ефїопскаго стоялъ островъ, которой не имѣлъ ни съ какой стороны пристанища: высокїя каменныя горы со всѣхъ сторонъ его окружали, а влекущїя въ себя страшныя пучины не подавали ни малѣйшїя надежды ко пристанищу кораблей; воздухъ тамъ былъ столько смертоносенъ, что не

можетъ смертный стерпѣть онаго и вскорѣ умираетъ, и столь былъ пустъ, что ни звѣрь и ни какая птица тамо не обитали. Онъ наполнялся лютыми Василисками и огнедышущими Драконами, посрединѣ сего острова стоялъ замокъ, у коего стѣны были изъ крѣпкой стали, посреди замка стояли палаты, изъ самаго чернаго аспиднаго камня сдѣланныя; зданїе сїе наводило только большей ужасъ, нежели прїятность: у крыльца зданїя сего стояли два Циклопа, кои имѣли въ рукахъ стальныя великїя палицы: а какъ желанїе Флоридскаго Князя было видѣть внутри того зданїя, то въ тужъ минуту покровъ палатъ открылся, представилось ему пространное и страшное жилище; по срединѣ онаго стояла лампа-

да,

да, которая давала умѣренный свѣтъ всему плачущему зданїю. Въ переди стояла софа, на которой лежала, облокотясь на руку, блѣдностїю покрытая, женщина, и едва онъ могъ узнать, что это была его злосчастная супруга; въ головахъ и ногахъ у нее сидѣли два страшные исполина. Увидѣвъ сїе Гаукъ прослезился; ибо такое состоянїе его супруги весьма много тронуло его сердце. Собирая силы свои и укрѣпляя сердце, просилъ онъ Жеона, чтобъ отвратилъ сїе печальное зрѣлище отъ его созерцанїя, и онъ по его прозьбѣ сїе учинилъ; вмѣсто плачевнаго сего мѣста представился наисовершеннѣйшїй красоты окруженный водами островъ, по срединѣ коего стоялъ невоображаемый человѣческимъ разумомъ дворецъ; и

когда пожелалъ гуакъ видѣть дворца сего внутренность, въ одну минуту верьхъ онаго открылся, видитъ онъ тронъ изъ зеленыхъ изумрудовъ сдѣланный; на немъ сидѣла дѣвица на главѣ Корону имѣющая, красота той дѣвицы была наисовершеннѣйшая, но Флоридскому Князю казалась столь гнусною, что отвратилъ онъ взоръ свой, чтобъ отнюдь не смотрѣть на то чудовище: и когда Жеонго спросилъ, что онъ такое страшное видитъ, гуакъ былъ безгласенъ и едва могъ промолвить: Ахъ! зрѣлище сїе наипаче меня страшитъ. Я вижу соперницу мою на изумрудномъ престолѣ сѣдящую, окруженную Нимфами и Нерейдами, кои пѣнїемъ своимъ ее утѣшаютъ. Всезлобная сїя волшебница располагаетъ власть свою по своимъ

имЪ прихотямЪ, приказываетЪ она предстоящему Гиганту, видЪ огненный имѣющему, взять копье, у меня нѣкогда похищенное, и итти вЪ островЪ плачевнаго зданія охранять Велеуму, кЪ коей пылаетЪ она лютѣйшею ненавистью. Тогда Жеонго произреченіемЪ нѣкоторыхЪ словЪ сокрылЪ зрѣлище сіе отЪ очей огорченнаго друга. Великій герой! продолжалЪ волшебникЪ ему говорить: не отягощай сердце твое печалію; когда боги хотятЪ быть кЪ состраданію твоему милосерды, какЪ увѣряетЪ неложный ЮпитеровЪ отвѣтЪ, то призвавши ихЪ всесильную помощь, поищемЪ счастія ожидающаго насЪ вЪ островѣ плачевнаго зданія: мѣшкать намЪ не для чего: поѣдемЪ великій мой другЪ, вскричалЪ Флоридскій Князь, поѣдемЪ

на всѣ смертныя опасности, или я умру, или опредѣлятъ боги узрѣть мнѣ предметъ спокоющь моей жизни.

Жеонго и Гуакъ сходятъ съ горы и возвратившись въ покои, вооружаютъ себя всѣми вспомогающими Талисманами, спѣшатъ избавить страждущую Велеуму отъ несноснаго плѣна. Флоридскій князь приказываетъ вооружаться всѣмъ своимъ богатырямъ, но волшебникъ сію церемонію отмѣняетъ, представляя ему, что тотъ островъ, гдѣ супруга его заключена, не можетъ терпѣть смертнаго племени. Смерть гладная пожретъ ихъ безъ изъятія. Гуакъ повинуется воли своего друга; разстается съ своими друзьями, кои провожаютъ государя своего съ горькими слезами, и не надѣются его болѣе уже видѣть

дѣть; восходятъ они на готовое судно и отправляются въ море.

Судно, управляемое искуснымъ лоцманомъ, летитъ по морскимъ волнамъ, какъ птица. Путешествїе ихъ продолжалось 20. дней, при наступленїи жъ двадцать перваго дня узрѣли они пустой великїй островъ; тогда кормщикъ объявилъ мореплавателямъ, что онъ болѣе судномъ управить не можетъ. Позади сего острова, говорилъ онъ, начинается великая Ефїопская пучина, гдѣ никакая человѣческая хитрость не можетъ сохранить корабль отъ разрушенїя, слѣдовательно одинъ Нептунъ имѣетъ власть въ томъ мѣстѣ, а смертные плыть не могутъ.

Жеонго велитъ приставть къ сему острову, и принужденъ бы-

бываетъ оставить судно и кормщика, продолжаютъ они шествїе по пещаной степи, цѣлой день продолжается ихъ путешествїе, и на другой день достигаетъ конца острова, приходятъ на другой морской берегъ, гдѣ стремящаяся вода влекла корабли въ неизмѣримую пучину, и между тѣмъ, когда Флоридскїй Князь разсуждалъ о невозможныхъ средствахъ, преплыть ту пучину, Жеонго вынимаетъ изъ колчана своего двѣ чуднаго виду стрѣлы, бросаетъ оныя въ море; мгновенно явились тутъ два Дельфина, волшебникъ и Гуакъ садятся имъ на спину, и они поплыли по водамъ, преодолѣвая стремленїе морской быстрины; два дни плавая они по Ефїопской пучинѣ, и на третїй при восходѣ солнечномъ приплыли къ тому

му острову, которой со всѣхъ сторонъ казался высокою горою. Конечно мѣсто сїе сокрываетъ въ себѣ предмѣтъ любви моей, спрашиваетъ Гуакъ у волшебника; какъ можно смертному перейти сїи горы, кои верьхами своими касаются облаковъ.

На что вамъ отчаяваться, говорилъ Жеонго Флоридскому Князю, труднѣе намъ одолѣвать тѣхъ враговъ, кои на горѣ сей, нежели взойти на вершину сихъ высокихъ горъ. По сихъ словахъ опять вынимаетъ онъ изъ колчана своего двѣ чудныя стрѣлы, спущаетъ съ лука оныя на воздухъ, стрѣлы изъ виду ихъ скрывчются, къ великому жъ Гуака удивленїю два въ богатомъ уборѣ коня явились предъ ними и стояли весьма кротко. Жеонго велѣлъ

садиться на одного другу своему Гуаку, а на другой сѣлъ самъ, и лишъ только ударили ихъ хлыстиками, какъ они разпустя свои крылья полетѣли на вершину неприступной горы скорѣе всякой птицы.

Сколько сїя гора положенїемъ своимъ приводила Флоридскаго Князя въ удивленїе, столь паче отъ обитателей ея пришелъ въ несказанной ужасъ, огнедышущїе Драконы, страшные змїи и лютые Василиски смертоносным своимъ ядомъ весь огустили воздухъ, свистомъ же своимъ и безподобнымъ шумомъ колебали холмы, и самую гору приводили въ трясенїе. Сїи непобѣдимые соперники возбудили въ Американскомъ рыцарѣ ужасъ и отчаянїе, а ядовитый воздухъ грозилъ скорою смертїю; но хитрый волшебникъ

бникъ находитъ средство, и тѣмъ приводитъ Гуака во ободренiе, и ослабѣвающiя силы подкрѣпляетъ. Приближившись они къ нѣкоторой каменной пещерѣ, сходятъ съ коней, входятъ въ пещеру, гдѣ представился Гуаку изъ самаго чистаго фарфора фонтанъ; это былъ видъ нѣкоего вооруженнаго воина, въ одной рукѣ мечь, а въ другой надпись неизвѣстныхъ литеръ имѣющаго, подъ ногами его двуглавный Драконъ былъ поверженъ, а изъ рта сего страшнаго истукана билъ фонтанъ чистой и сладкой воды. Жеонго приказываетъ гуаку пить сей садкой и подкрѣпляющiй силы его Нектаръ. Потомъ выходятъ изъ пещеры, и сѣдши на крылатыхъ коней, велитъ Жеонго обнажить мечь могущественнаго Вирстона, и готовитъ лукъ

непобѣдимаго Немврода, начинают преестрашный бой съ ужасными соперниками, кои страшнымъ свистомъ и изрыгающимъ пламенемъ, конечно бы всякую смертную побѣдили силу, но какъ Гуакъ вооруженъ будучи защищающимъ отъ пламени панцыремъ и мечемъ, разрушающимъ волшебство, къ томужъ помощь своего друга, ополчился съ соперниками мужественно и смѣло, мечь побѣдоносный разсѣкалъ змїевъ и Василисковъ, а панцырь отражалъ пламень Драконами изпущаемый, летятъ сїи герои по горѣ, побивая соперниковъ, приближаются къ тому страшному замку, которой совсѣмъ непоходилъ на зданїе, но на какую нибудь угрюмую тучу.

Въ самомъ близкомъ отъ замка сего разстоянїи Жеонго остано

новившись, велитъ смѣло приготовляться Гуаку на сраженіе съ такими соперниками, кои единымъ взоромъ умертвить смертныхъ могутъ, и прежде нежели появился имъ первый соперникъ, тотчасъ волшебникъ намазываетъ все свое и Гуаково оружіе нѣкоторою кровью, отъ чего могло оно быть ядовито, и язвы отъ онаго были неизцѣлны. Лишъ только они приготовились, какъ шелъ къ нимъ на встрѣчу такой человѣкъ, коего образъ имѣлъ нѣчто отмѣнное въ себѣ отъ смертнаго племени, ростъ его равенъ былъ высокимъ деревьямъ, вдавливалъ онъ ногами своими въ землю каменья, и рукою искоренялъ высокіе дубы. Приближась сей страшный герой, держа въ рукѣ толстое древо, говорилъ своимъ со-

перникамъ: „ О смертное племя,
„ кто вамъ далъ сїю смѣлость
„ приближиться къ сему зданїю,
„ гдѣ я опредѣленъ стражемъ хра-
„ нить дворецъ вѣчныя горести? „

Не страшись слабаго сего непрїятеля, говорилъ Жесниго флоридскому Князю, оружїе древняго Немврода сильно есть преодолѣть всѣ его страшилища: и между тѣмъ, когда сей гигантъ хотѣлъ поразить Гуака толстою своею дубиною, сей смѣлый Князь спущаетъ въ него три стрѣлы Немвродовы, и удвоя ударъ могущественнымъ мечемъ, принудилъ завопить сего страшилища. Закричалъ сей горестнаго дворца стражъ и вопль его слышанъ былъ по всей горѣ Ефїопской, всѣ долины глубокїя имъ наполнилися, море возмутилось, Василиски засвистали,

Драконы начали изпускать изъ челюстей своихъ страшное пламя, весь островъ всколебался, а ободряемый Жеонгою флоридскїй Князь не страшась ни мало сего сильнѣйшаго вопля, могущественнымъ своимъ оружїемъ паки наноситъ нестерпимой ударъ сопернику, которой пораженъ будучи всеконечнымъ отчаянїемъ, произноситъ вопль слѣдующаго изрѣченїя: „Погибаю! погибаю! вопило „страшилище какъ страшный „громъ, погибаю я отъ стрѣлъ „рыцаря сего, и не полагаю на„дежды подкрѣпить ослабѣваю„щїя мои силы. О! страшная „Зевеса! подай помощь охрани„телю твоему, тяжкїя язвы „пронзаютъ утробу мою, бо„лѣзнь приводитъ къ смерти и „нѣтъ средства избавиться отъ „оной.„

По таковомъ изреченїи падаетъ онъ на землю, какъ великое отъ бури дерево, а Гуакъ отдѣля ему могущественнымъ мечемъ страшную голову, приближаются сами къ воротамъ замка.

Страшные замка ворота которые сдѣланы были изъ такого чуднаго металла, что походили на угрюмую тучу, нежели на затворы; которые были заперты замкомъ видъ Дракона имѣющимъ, но Гуакъ прикосновенїемъ своего меча разшибаетъ его въ мѣлкїе куски, ворота отворились съ превеликимъ шумомъ, они въѣхали на широкой дворъ, которой весь покрытъ былъ густою травою и зеленымъ мохомъ. Не успѣвъ обозрѣть страшнаго того зданїя; которое стояло по срединѣ двора, какъ вдругъ вско-

лебались палаты, открылся верьхъ зданія, поднявшійся изъ оныхъ на высоту огненный клубъ освѣтилъ искрами своими Горизонтъ небесный, а съ высоты паки опустившись на землю, представивъ своимъ соперникамъ видъ страшнаго Гиганта, имѣющаго въ рукахъ огненное копье:
„О дерзскіе смертные! вопилъ
„Гигантъ; еще ли осмѣливае-
„тесь возпротивиться великой
„моей власти! одинъ ударъ ко-
„пья моего уничтожитъ жизнь
„вашу, и тѣло превратитъ въ
„пепелъ.„

Но укрѣпляемый неложнымъ волшебниковымъ увѣреніемъ, Гуакъ смѣло ополчается противъ сего темныя власти рыцаря, поражаетъ онъ сего духа стрѣлою страшнаго Немврода. Хотя сіе оружіе не могло нанести язви-

 тель-

тельнаго духу удара, но такъ сильно устрашило, что не осмѣлился сей Амазонскія Царевны стражъ сразиться съ непобѣдимымъ Гуакомъ, онъ бросаетъ предъ нимъ свое пламенное копье, самъ какъ молнія скрывается изъ вида.

Между тѣмъ, когда обрадованный Гуакъ лобызалъ копье славнаго Вирстона, коимъ владѣлъ сей духъ пять лѣтъ, унесши его изъ Амазоніи, въ день брака, вдругъ съ Южной стороны появилась огненная туча, и когда она къ нимъ приближалась, то островъ произвелъ страшное трясеніе, громъ и молнія поразили у сихъ побѣдителей слухи. Сія молніеносная туча представила предъ очи ихъ пять огнедышущихъ Драконовъ и одну свирѣпую женщину въ колесницѣ запря-

пряженной крылатыми конями. Заскрипѣла тогда злая сїя волшебница зубами, воспылала яростїю и съ мещущими пламень глазами, произнесла подобно грому такїе слова:

„ О малодушные враги, еще „ли вы осмѣливаетесь вооружа„ться противъ меня и пяти мо„ихъ братьевъ!„ Сказавши сїе устремляется она со всею своею яростїю, огнедышущїе Драконы, разинувъ каждый свою пасть, стремились пламенемъ пожрать своихъ соперниковъ; начинается тогда престрашный бой между сихъ страшныхъ соперниковъ, Жеонго и волшебница Зевеса прїемлютъ на себя различные подобїя чудовищъ, бьются жестоко, а непобѣдимый Князь Гуакъ съ пятью ея братьями, видъ Драко-

ко-

коновъ имѣющими, ополчается Геркулесовымъ мужествомъ, свищутъ по воздуху побѣдоносныя его стрѣлы, и наносятъ соперникамъ неизцѣльныя язвы, могущественный его мечь лїетъ кровь враговъ его великими ручьями, ревутъ чудовища ужасно, не могши терпѣть ударовъ сего страшнаго оружїя; лишаются они наконецъ и своихъ головъ, пламень ихъ тогда не дѣйствуетъ, и побѣда Гуакова надъ ними совершается, радуется Флоридскїй Князь неизреченно, что пять его соперниковъ лежатъ предъ нимъ обезглавленны и мертвые, но сомнѣвается о побѣдѣ друга своего Жеонга, которой бившись съ соперницею долгое время уже ослабѣваетъ, мрачная темнота сокрывала бой ихъ, но Гуакъ бѣжитъ на крикъ болѣзненнаго го-

лоса, которой произноситъ другъ его Жеонго, приближается къ тому мѣсту, подаетъ помощь умученному сему волшебнику, пораженїемъ стрѣлы, и ударомъ побѣдоноснаго своего меча, принуждаетъ соперницу его лишиться жизни, другъ его хотя и торжествуетъ надъ соперницею своею побѣдою, но и самъ отъ ослабленїя силъ съ коня низпадаетъ, и лишъ только светъ послѣ глубокой тьмы мало показываться началъ, не столько радостное, какъ плачевное Гуаку представляется зрѣлище. Хотя и видитъ онъ злобную соперницу на землѣ поверженную и лежащу мертвую, но и другъ его Жеонго находился въ великой опасности: кровь его изъ ранъ течетъ и омочаетъ мѣсто, старается онъ лѣчить его раны цѣлительнымъ своимъ лѣкар-

карствомъ, и животворною водою, но остаются оныя неизцѣльны, Жеонго тогда предъ другомъ своимъ признается, что сверьхъ опасныхъ его ранъ, нѣкоторой поядающїй огнь пронзаетъ всѣ кости его, вопїетъ сей волшебникъ жалостно, и смерть къ нему приближается. „ О дражайшїй мой другъ! говорить началъ Жеонго томнымъ голосомъ: Ты только „ видишъ мою болѣзнь, но я по„ мышляю о смерти. Любя я те„ бя жертвовалъ моею жизнїю, „ смерть ко мнѣ приближается, „ ты узришъ дражайшую свою суп„ ругу, но я уже не увижу мо„ ихъ друзей; собери ты пе„ пелъ мой, и погреби его на „ островѣ моей державы, будь ты „ обладатель надъ всѣми мо„ ими сокровищами, и Государь „ надъ подданными моими, кро-

мѣ

,, мѣ тебѣ никого наслѣдниковъ не
,, имѣю, но сїе я дѣлаю за лю-
,, бовь твоего дѣда, и для тво-
,, ихъ нѣкогда бывшихъ мнѣ у-
,, слугъ, надпиши на гробницѣ
,, моей, что я умеръ за любовь
,, моего друга.,, Посемъ голосъ
его прерывается, только простираетъ одни свои руки, и объяти хочетъ друга своего Гуака, но и тѣ ему измѣняютъ. Тогда флоридскїй Князь ударяется о землю, лежитъ безъ чувства у ногъ своего великаго друга, наполняется тогда воздухъ печальнымъ отзывомъ, опамятовавшись же Гуакъ видитъ своего друга, у коего очи вѣчнымъ сномъ покрыты глась отъ устъ его не изходитъ, окаменѣнно сердце, и члены никакого движенїя не имѣютъ.
,, О побѣда! возопилъ флоридскїй
,, Князь, побѣда исполненная го-

ре-

„ рести! дражайшїй мой защит-
„ никъ, ты лежишъ бездыханенъ,
„ поверженъ на дернѣ необитаемаго
„ Ефїопскаго острова. О великая
„ Дїана! ты даровала мнѣ сего
„ друга, но что я говорю друга!
„ стража моей жизни, но почто
„ не открыла такого несчастїя
„ О немилосердные боги! прекра-
„ тите жизнь мою! о Ангелъ
„ смерти! смертоносною своею
„ дѣсницею изхити изъ меня
„ душу: „

Между тѣмъ, когда рыдалъ Гуакъ оплачевной участи друга своего Жеонга, вдругъ блеснула предъ его очами молнїя, не сказанное благовонїе прогоняющее смрадъ, разлилось по воздуху, Флоридскїй Князь имѣя очи орошенныя слезами, зритъ явившуюся богиню чистоты; она сидѣла на быстромъ конѣ, одежды ея ка-

казались быть бѣлѣйшими снѣга, сопровождаема многими Нимфами, бросающими передъ нею благовонные цвѣтки: остановившись она на воздухѣ не далеко отъ земли; вѣщаетъ рыдающему Гуаку. „О „неблагодарный Князь! паки „твои роптанія коснулись моего „слуха, и жалобы на боговъ понудили меня оставить жилище „неба: къ доставленію тебѣ сча„стія, много я ходатайствова„ла у Юпитера, и тебѣ помога„ла, а особливо на бояхъ, съ не„побѣдимыми соперниками, жизнь „твою отнять покушающимися, „и теперь отнимаю преграду „разрушающую твое благополучіе, „не дерзай хвалиться твоими „побѣдами, преплылъ ты пу„чину морей, взошелъ на высо„кія горы, побѣдилъ Драконы и „Василиски, всѣ соперники твои

 ле-

,, лежатъ бездушны, но въ пала-
,, тахъ сихъ, гдѣ заключена твоя
,, супруга, получишъ смерть; по-
,, винуйся предписанiю судебъ и во
,, первыхъ, сожги тѣла твоихъ
,, непрїятелей, развѣй прахъ ихъ
,, по воздуху, но пепелъ друга
,, твоего сохрани въ его шлѣмѣ,
,, и потомъ положа въ сосудъ
,, златъ, предай персть персти,
,, и учини повелѣнную на гробѣ
,, надпись; потомъ надѣнь на себя
,, Жеонгово оружїе, окропись во-
,, дою животворнаго источника; по-
,, томъ ступай въ чертоги вѣчныя
,, горести, и выведши умученную
,, свою супругу на фонтанъ, окропи
,, животворною водою, и тогда
,, она тебя познаетъ.,,

Сказавши сїе, Дїана подня-
лись на воздухъ, предписавъ Гуа-

ку

ку средство къ его благополучїю ведущее.

Возхищенный неизреченною радостїю флоридскїй Князь забываетъ болѣзнь своего сердца; явленїе богини наполняетъ духъ его радостїю и веселїемъ; о богиня чистоты! говорилъ онъ, когда наступитъ счастливое время моего съ супругою моею пребыванїя, воздвигну храмъ въ моемъ отечествѣ, и вся флорида принесетъ тебѣ достойныя жертвы.

По семъ исполняетъ гуакъ приказанїе со всякою точностїю и окропивши себя животворнаго фонтана водою, продолжаетъ потомъ со всякою смѣлостїю путь свой къ палатамъ вѣчныя горести. входитъ онъ на крыльцо, гдѣ охраняющїе входъ страшные Цыклопы, не только не могли

противиться, но падая предъ нимъ на колѣна, прославили чудное геройство его: не имѣя никакого препятствїя, входитъ онъ въ покои, гдѣ прогоняющїй смертоносный запахъ отражался силою воды животворнаго Фонтана; проходитъ онъ до той мрачной палаты, гдѣ только одна горящая лампада нѣкоторой блескъ малаго свѣта, въ той мрачной палатѣ увидѣлъ онъ сидящую на софѣ женщину, въ головахъ и ногахъ сидѣли у нея страшные исполины; но сїи ея стражи отъ взора его возтрепетавъ, падаютъ на землю; когдажъ приближился онъ къ самой софѣ, на коей сидѣла та смертною блѣдностїю покрытая женщина, которая изпускала ужасное стенанїе, и непрестанныя слезы лились по блѣдному ея лицу. Флоридскїй Князь едва узнаетъ,

что это была его супруга: тебя ли я вижу великая Княгиня! вскричалъ Гуакъ, по семъ гласъ его прекрывается, языкъ нѣмѣетъ, и горькїя изпускаетъ слезы; Велеума приходитъ тогда въ ужасъ, и отъ удивленїя обращаетъ на сего побѣдителя плачевный взоръ и говоритъ: ,, Ежели ты не духъ ,, то я весьма удивляюсь, какою ,, дорогою прїѣхалъ ты въ сїе ,, мѣсто. Островъ сей окружаютъ ,, ужасныя пучины, и никакое суд- ,, но къ сему мѣсту достигнуть не ,, можетъ; а какъ смертные крыль- ,, евъ не имѣютъ, то и не мож- ,, но видѣть здѣсь человѣка: но ,, что еще скажу о обитателяхъ ,, сего острова и стражахъ двор- ,, ца, кои неусыпно бдятъ, жили- ,, ще вѣчныя! горести: Все сїе ,, удивительно мнѣ и невѣроя- ,, тно, чтобъ простой человѣкъ

„ могъ когда достигнуть сего
„ мѣста.

Гуакъ слушая сїи слова заключилъ, что супруга его не узнала; да и онъ едва признавать могъ по признакамъ лица ея, что она Велеума. Тогда онъ началъ поступать съ нею осторожнѣе, чтобъ скорымъ объ себѣ объявленїемъ не ввергнуть ее въ опасной обморокъ; ибо и отъ чрезвычайной радости приходитъ скорая смерть. Флоридскїй Князь отвѣчалъ ей: не удивляйтесь сему о мудрая Принцесса! человѣческое исскуство доходитъ иногда до чрезвычайнаго произведенїя; я сему паче удивляюсь, что за что терпишъ ты такое наказанїе? Я не знаю, отвѣчала она, что такъ боги несправедливы, и власть свою употребляютъ по прихотямъ; всегда слышно на

земли стенанїе, кое приключается людямъ отъ несправедливости боговъ; а мы еще и по сїе время ослѣплены пребываемъ, и суевѣрны, что покаряемся власти неправосудїя ихъ. О невинная Принцесса! сказалъ Гуакъ самъ обливщись слезами, боги всегда правосудны; терпишъ ты сїе за грѣхъ своего мужа, которой безъ воли родителей своихъ вступилъ съ вами въ бракъ; терпѣла ты пять лѣтъ, но теперь оканчивается злая твоя участь, боги милостивы бываютъ; они всѣхъ твоихъ злодѣевъ обратили въ земной прахъ, и я пришелъ тебя освободить отъ сея несносныя горести. „Ужели самъ сынъ великаго Юпитера, говорила Велеума, Геркулесъ сильнѣйшїй, коего „трепетали Цыклопы и чуды, „посланъ днесь отъ боговъ, осво-

„ бодитъ злосчастную Велеуму.
По сихъ словахъ повергается она предъ нимъ на колѣна, лїетъ по лицу радостныя слезы, и не узнавая ни мало, что это былъ ея супругъ, требуетъ отъ него помощи.

Тогда беретъ гуакъ дражайшую свою супругу за руку, кропитъ ее водою животворнаго Фонтана, отъ чего возвращается ея прежняя красота, память и весь разумъ; узнаетъ она тогда своего супруга, трепещущими руками беретъ его въ свои нѣжнѣйшїя объятїя: ахъ! что я вижу! кричитъ радостная сїя Принцесса, но немечтали сїе! тебя ли я вижу, дражайшїй мой супругъ! или боги дѣлаютъ одно привидѣнїе, ахъ! что это... Узнай дражайшая моя супруга, узнай меня твоего мужа, которой не менѣе

васъ

васъ страдалъ сердцемъ, будучи въ разлукѣ съ вами пять лѣтъ. По сихъ словахъ разсказываетъ ей Флоридскїй Князь все съ нимъ случившееся, во время ихъ разлуки. Радуется тогда Велеума, что погибла та злая волшебница, которая содержала ее въ такомъ заключенїи, въ коемъ онъ ее нашелъ, не имѣя никогда ни на одну минуту отрады, плачетъ же несказанно о великомъ другѣ Жеонгѣ.

Подобное тартару сїе мѣсто несносно было для радостныхъ сихъ особъ ни на одну минуту; съ поспѣшностїю выходятъ они изъ покоевъ, къ несказанной ихъ радости, видитъ Гуакъ стоящихъ у крыльца самыхъ тѣхъ крылатыхъ коней кои на гору Ефїопскую возносили; сажаетъ онъ супругу свою, садит-

ся и самъ, отправляются ко пристанищу, гдѣ вмѣсто судна ожидали ихъ два Дельфина. Велеума весьма тому чудится, что покаряются супругу ея и самыя Дельфины. Гуакъ ей объявляетъ, что какъ крылатые кони, такъ и Дельфины покаряются Жеонговымъ Талисманамъ, коимъ онъ учиненъ полнымъ владѣтелемъ. Преплываютъ они великую Ефiопскую пучину, достигаютъ того острова, гдѣ искусный лоцманъ стоялъ съ судномъ во ожиданiи своего повелителя. Гуакъ кажетъ ему шлемъ, въ коемъ хранился пепелъ его господина; омочаетъ сей вѣрный рабъ прахъ своего господина горьки слезами, и видя на Гуакѣ всѣ его Талисманы, покаряется ему какъ самому Жеонгѣ, посадя ихъ на судно отправился въ путь къ тому

острову, которой назначенъ былъ отъ волшебника Жеонга ему во владѣнїе. Прибывши на сей островъ встрѣчаютъ его богатыри и прекрасные юноши Жеонговой свиты: первые радуются, видя своего государя, другїе рыдаютъ, когда увидѣли пепелъ своего повелителя. Гуакъ объявляетъ имъ Жеонгово завѣщанїе, показываетъ всѣ его Талисманы. Тогда жители острова, признавъ Гуака достойнѣйшимъ владѣтелемъ, ему покорились.

Гуакъ пробылъ на островѣ новаго своего владѣнїя нѣсколько дней, учинилъ достойное погребенїе другу своему Жеонгу: на гробницѣ его поставилъ золотую статую, и надпись по завѣщанїю его изсѣкъ на мраморѣ; потомъ приказываетъ лоцману своему готовить богатое судно, во-

сходитъ на оное съ своими богатырями, и .100. юношъ беретъ съ собою новой свиты. Путь его былъ къ острову волшебницы Зевссы, желая покорить сїе владѣнїе подъ свою державу.

Въ сїе Гуаково путешествїе не приключается ему никакихъ опасныхъ случаевъ, достигаетъ онъ чрезъ нѣсколько дней владѣнїя своей соперницы; гдѣ находитъ многихъ себѣ соперниковъ, нехотящихъ ему покориться; но соперники сїи были весьма слабы, ибо побѣдоносное его оружїе и могущественные Талисманы, нетолько преодолѣваютъ всѣхъ враговъ, но и принудили покориться власти непобѣдимаго сего героя. Когда нѣкоторые Гиганты и чуды были посѣкаемы, то многїе брося предъ нимъ оружїе свое,

кричали ему торжественную побѣду, и обитатели острова падая предъ нимъ на колѣна, называли его новымъ своимъ владѣтелемъ; и бываетъ храбрый Князь Гуакъ поставленъ тутъ Царемъ и обладателемъ дикаго народа.

Препроводя тутъ Флоридскїй Князя довольное время, въ разсматриванїи многихъ дивныхъ вещей, какїя обрѣтались въ Зевесиномъ островѣ; паки всходитъ на судно со всѣми богатырями, юношами и новою гвардїею, которая набрана была изъ дикаго народа. Походъ лоцману объявленъ былъ въ Амозонское Королевство, коего чрезъ нѣсколько дней благополучно достигаютъ.

Кто можетъ описать подробно тѣ радостныя чувствованїя, когда

когда Принцесса Белеума увидѣла любезное свое отечество? Флоридскїй Князь отправляетъ тогда немедленно шестерыхъ богатырей, увѣдомить Бельгама своего тестя, о благополучномъ прибытїи его дочери и зятя. И когда сїи посланники предстали предъ Амазонскаго Короля съ такою радостною вѣстїю; тогда сей Государь услышавъ сїе, отъ радости лишается почти всѣхъ чувствъ, призываетъ своего великаго Везиря, приказываетъ отправить ему на Амазонскую пристань уборные кони, и златыя колѣсницы; не мѣшкавши отправляется и самъ со всею своею придворною свитою, облобызать свою дочь и зятя. Приближается сей Государь ко пристани: выходятъ ему на встрѣчу тѣ особы, коихъ лицезрѣнїя не видѣлъ

дѣлъ многїе годы, и никто не можетъ изъяснить ту взаимную радость, какую возчувствовали свидѣвшись отецъ съ дочерью и съ зятемъ. Сей угнѣтаемый печалїю Государь и невидавшись многїя годы, приходитъ тогда отъ чрезвычайныя радости въ оморокъ; но Гуакъ приводитъ его въ прежнее состоянїе.

Послѣ многихъ восторговъ неописанныя радости, державныя сїи особы отправлются съ пристани къ Амазонскому предмѣстїю, которое для прибытїя ихъ было во всякой готовности. Прибывши въ сей дворецъ, полагаютъ они начало имѣющаго быть великаго веселїя; между многими наипрїятнѣйшими разговорами, кроткїй Король пожелалъ слышать чудную исторїю своего зя-

тя, о пяти лѣтнемъ его похожденіи, что онъ и не преминулъ учинить.

Сей государь, слушая чудную сію повѣсть, ліялъ по лицу радостныя слезы потоками; и принеся благодареніе Богамъ; препровождали тотъ день во всякомъ веселіи.

По ночномъ мракѣ, когда солнце освѣтило землю блистаніемъ своихъ лучей, начинается церемонія, едвали когда Амазоніей видимая; отворяются предмѣстія ворота, при звукѣ огромной музыки, показываются на злато изпещренныхъ коняхъ прекрасные юноши Жеонгова острова, названные потомъ тѣлохранителями Флоридскаго Князя. Уборъ на нихъ былъ изъ золотой парчи съ выкладенными жемчугомъ травами; главы ихъ по-

покрыты были золотыми шлемами, и въ рукахъ стальныя копья, кои непрестанно прославляли геройство своего повелителя. За сими тѣло-хранителями шествовала гвардїя сего державца, которая сколько блистающимъ своимъ убранствомъ ослѣпляла глаза зрителей, столь и приводила въ ужасъ земныхъ жителей своимъ взоромъ; гиганты сїи кричали своему Царю торжественныя побѣды. Флоридскїй Князь, окруженъ будучи двенадцатью своими богатырями, коихъ украшенїе отъ каменьевъ и золота блистало, какъ яркое солнце; а самъ сей державецъ сверхъ неоцѣненнаго своего убора, чуднымъ своимъ оружїемъ и важными Талисманами принудилъ всѣхъ зри-

 телей

телей въ восторгѣ кричать: „
„ Се зримъ оставившаго
„ Олимпъ самаго Юпитера, и го-
„ раздо превосходнѣйшаго въ
„ побѣдахъ, нежели Геркулесъ;
„ да здравствуетъ сей новый по-
„ бѣдитель свѣта, и страшнѣй-
„ шій же герой надъ чародѣями!
„ да опредѣлятъ боги вѣчно ему
„ надъ нами царствовать. „ За Флоридскимъ Княземъ ѣхала золотая колесница, въ коей сидѣли Король Бельгамъ съ своею дочерью, коихъ окружала вся придворная свита.

Между тѣмъ, когда сія толь великолѣпная церемонія приближалась къ Амазонской столицѣ, въ одну минуту извѣстился городъ; всякой гражданинъ оставляетъ свое дѣло,

бѣжитъ на встрѣчу своей Государынѣ; въ городскихъ воротахъ сдѣлалась великая тѣснота; и многихъ можетъ быть задавили до смерти, а тѣ, кои не могли видѣть своей Государыни, всходили на высокїя и способныя къ зрѣнїю мѣста. Въ скоромъ времени всѣ городскїя стѣны и башни наполнились великимъ числомъ зрителей. Сему веселящемуся тогда гражданству казалось, что вся земля и самое солнце съ ними веселятся. Сей владѣлецъ съ свитою едва могъ въѣхать за чрезвычайною тѣснотою въ городъ, и продолжалъ шествїе къ Юпитерову храму, гдѣ перво-священникъ со всѣми жрецами въ бѣлыхъ ризахъ встрѣтивъ его, запѣли по-

хвальныя пѣсни. Принеся гуакъ тамъ жертву, шествуетъ въ такой же церемонiи во дворецъ кроткаго Короля своего тестя; гдѣ и начали веселиться, довершая тотъ бракъ, которой разорвала злобная Зевеса, и не только тотъ день, но и послѣдующiе многiе были препровождены, не только во дворцѣ, но и у жителей столицы, во многихъ веселостяхъ, потому, что узрѣли они свою Государыню и защитника Амазонскiя Короны.

Протекли многiе въ веселостяхъ мѣсяцы. Флоридскiй Князь открываетъ свое намѣренiе Королю кроткому, своему тестю и дражайшей супругѣ, что онъ намѣренъ отправиться

къ своему родителю и на престолъ Флоридскаго Княженія. Тогда Бельгамъ старается удержать любезнаго своего зятя еще на малое при себѣ время, и не возмогши сего учинить, возлагаетъ на главу его свою Королевскую корону, вручаетъ скипетръ управлять пространною Амазоніею, но и тѣмъ не можетъ его при себѣ удержать.

[illegible] третій день послѣ коронованія, новый сей Амазонскій Король призываетъ любезнаго своего лоцмана, приказываетъ ему готовить великолѣпный флотъ, препоручаетъ власть своея державы тестю своему, самъ съ дражайшею своею супругою отправляется въ свое отечество, и благополучно

 дос-

достигаетъ столицы флоридской.

Когдажъ услышалъ престарѣлый князь его отецъ о возвращенiи любезнаго своего сына, радуется несказанно; министры и гвардiя встрѣчаютъ своего владѣтеля. Сей свѣта герой и побѣдитель волшебства, чинитъ свое шествiе въ церемонiи, удивляющей подданныхъ; во дворцѣ встрѣчаетъ его радостный родитель; гуакъ повергается предъ нимъ на колѣни, а онъ беретъ въ нѣжнѣйшiя свои объятiя своего сына и невѣстку лобызаетъ, радуется, и отъ радости катятся по лицу его слезы. Входятъ они въ чертоги, начинаютъ веселиться, и веселiе ихъ продолжается во всю жизнь непрерывно; ибо сей

сей громкой державецъ Флориды золотой, обладатель дикаго народа, и Король пространной Амазонїи, прославился гораздо славнѣе, нежели были его предки; сїю неувядаемую славу въ полности оставилъ всему своему потомству.

КОНЕЦЪ
второй и послѣдней Части.

Цѣна дв[illegible]ъ част. 1 рубль 50 копѣекъ.

...лориды
...го на-
...ранной
...гораздо
...о пре-
...аву въ
...своему

...сти.

...опѣскъ.

Вотъ книга,
Русского ума,
Хвалю Ея естчество
что она противу
читателя согласна

1811

Следовалъ мимо
Естмонский

Июня 1-го 1812 года.

[illegible]

